

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Вадим Проскурин

ХОББИТ,
КОТОРЫЙ СЛИШКОМ
МНОГО ПУТЕШЕСТВОВАЛ

ЭКСМО

Вадим Геннадьевич Проскурин
Хоббит, который слишком
много путешествовал
Серия «Сага о Хоббите», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151900

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
1	4
2	6
3	8
4	21
5	26
6	33
7	37
8	39
9	41
10	47
11	63
12	67
13	72
14	75
15	77
16	81
17	84
18	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**Вадим Геннадьевич
Проскурин
Хоббит, который слишком
много путешествовал**

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АРКАНУС**

1

Я мыслю, следовательно, я существую. Не помню, кто это сказал, кажется, Ежебой из Дорвага. А может, и нет. Неважно. Важно то, что, раз я думаю, значит, я еще жив.

Я открыл глаза и подумал, что я, вероятно, жив, но сплю. Я закрыл глаза и снова открыл их, но безумное наваждение упорно не желало исчезать. Шагах в пяти от меня стояло существо, которое может пригрезиться разве что в страшном сне. Ящерица размером с десять быков, вместе взятых. Пропорции тела не вполне ящерные, отношение длина-ширина не превосходит четырех, в общем, сильно раскормленная

ящерица. Каменно-серая кожа, колонноподобные ноги толщиной с тридцатилетнее дерево, и, самое главное, то, из-за чего мой мозг упорно отказывается воспринимать эту тварь как реальность – на ее морду надеты очки. Да-да, очки, в этом нет никаких сомнений, два колесных обода, деревянная перекладина между ними, две оглобли, идущие к вискам твари... оглобли, кстати, точь-в-точь как в людских повозках, голова этого существа поистине огромна... заканчиваются оглобли сложным сплетением канатов, это естественно – уши твари недостаточно велики, чтобы зацепить за них громоздкое сооружение. И самое безумное во всем этом зрелище – то, что стекла очков старательно закопчены сажей. Интересно, кому это понадобилось и зачем?

Неизвестный шутник, нацепивший очки на гигантского ящера, не очень-то старался, поскольку сейчас это сооружение сползло на нос, перекосилось, и один глаз существа задумчиво взирает на меня поверх стекла. Тварь меланхолично жует траву, в точности как корова, и смотрит на меня. Мои глаза закрываются, и я снова проваливаюсь во тьму.

2

Холод и мрак. Непроницаемый мрак и могильный холод, столь пронизывающий и всепоглощающий, что нет никаких сил ему сопротивляться. Мое тело неподвижно, оно не дрожит, не стремится разогнать убийственную стужу потоком горячей крови. Я медленно вбираю холод, и жизнь капля за каплей покидает меня.

Так длится целую вечность, но в какой-то неуловимый момент все меняется. Откуда-то извне льются потоки тепла, целый водопад жизненной силы обрушивается на меня. Оцепенение отступает, и я открываю глаза.

Оказывается, я лежу на кровати, полностью обнаженный, а рядом с моим ложем стоит хоббит средних лет, его руки простерты надо мной, и я понимаю, что источник живительной силы – это его руки. Его взгляд встречается с моим, и он опускает руки. Его лоб покрыт мелкими капельками пота. Водопад силы прекращается, но главное уже сделано, теперь моя жизнь вне опасности.

Я открываю рот, чтобы поблагодарить спасителя, но из моих уст вырывается только нечленораздельное мычание. Я прочищаю горло и говорю:

– Благодарю тебя, почтенный хоббит. Хэмфаст, сын Долгаста из клана Брендибэк к твоим услугам.

Хоббит огорченно качает головой.

– Галлюцинации, – говорит он. – Не бойся, это скоро пройдет, завтра ты будешь здоров.

Он накрывает меня шкурой какого-то большого зверя и уходит. А меня начинает бить лихорадка, и я снова теряю сознание.

3

На следующее утро я проснулся абсолютно здоровым. Моя одежда оказалась аккуратно сложенной на табурете, стоящем в ногах кровати, на которой я провел вчерашний день (а один ли день?). Это совсем не та одежда, в которой я пробирался в Запретный Квадрат, но это неудивительно, ведь я снова оказался в теле хоббита, а при смене тела одежда меняется автоматически. Я натянул штаны из мягкого джута, льняную рубашку с вышитым на груди абстрактным рисунком, опоясался широким кожаным ремнем, на который повесил кинжал в ножнах, и впервые за последние дни почувствовал себя полноценным хоббитом. Когда валяешься голый в постели, страдая то от нестерпимого жара, то от убийственного холода, а потом болезнь отступает, первые минуты осознания того, что ты снова здоров, это, пожалуй, одно из самых приятных ощущений, что бывают в жизни.

Я подошел к окну (круглое отверстие в стене, не закрытое ни стеклом, ни слюдой, ни бычьим пузырем) и выглянул наружу. Оказывается, в этом мире сейчас лето. За окном расстилался луг, заросший густой высокой травой, порыв ветра принес щекочущий ноздри аромат луговой пыльцы, который я уже почти забыл. Луг уходил вдаль примерно на четверть мили, а дальше отвесной стеной вздымался скальный уступ. Я поднял глаза вверх, но так и не увидел неба, гигантская

скала закрывала все поле зрения.

Я огляделся по сторонам. Кровать, деревянный стол, две табуретки, два шкафа, на стене вешалка из оленьих рогов. Огромный был олень, судя по рогам. На вешалке висит длинный плащ на легкой подкладке, скорее всего, мой. Стены комнаты отделаны струганными досками, плотно пригнанными друг к другу. Нигде никаких украшений.

Я подошел к шкафу и открыл его. Пусто. Второй шкаф – то же самое. Этот дом нежилой? Но должны же где-то здесь жить хоббиты! Или тот хоббит-целитель мне пригрезился?

Я двинулся к двери, но вовремя остановился – есть одно дело, которое надо сделать, пока я один. Я вызвал из памяти рунный идентификатор Уриэля, обратился к элементу «Открыть душу разумного существа» и этот элемент немедленно сообщил, что рунный идентификатор недействителен, в этом мире нет такого существа. Я попробовал обратиться к Олорину и получил тот же ответ. Как же так, это что получается, только я один сумел пробиться в этот мир?

Моргот меня раздери! Это, в конце концов, несправедливо, ведь когда мы пробивали канал, я был простым пассажиром. Я не умею путешествовать между мирами, весь труд взяли на себя мои товарищи, и что теперь? Я здесь, а где они? В лучшем случае, по-прежнему в Запретном Квадрате, а в худшем... я запретил себе даже думать об этом. Этого просто не может быть! Они не могли погибнуть, они сильнее

меня, они должны были выдержать переход, раз я его выдержал. Или... нет, это невозможно!

Циничный внутренний голос ехидно прошептал, что Уриэль не зря оставил в Средиземье резервные копии, что в начале лета они оживут, а заодно оживет и моя копия, ведь я не умею путешествовать между мирами и не смогу теперь вернуться обратно в Средиземье. Когда в Средиземье наступит лето, в доме Нехаллении появится новый Хэмфаст, а этому Хэмфасту предстоит прожить остаток своих дней в этом мире. А для начала этому Хэмфасту предстоит разобраться, что представляет собой этот новый мир.

Я направился к двери и решительно распахнул ее. Гостиная. Никаких вещей, одна голая мебель, многочисленные шкафы и шкафчики абсолютно пусты, но комната не выглядит заброшенной – на полу, столах и полках почти нет пыли, значит, здесь регулярно убираются. Интересно, кто и зачем? Окно в стене, такое же круглое и снова без стекла. Кстати! Ни в спальне, ни в гостиной нет ничего похожего на печь. Тут что, не бывает зимы? Я подошел к окну. Высокая трава мерно колышется под ударами ветра, дальше стеной встает лес, а за ним возвышается отвесная скала. В общем, почти то же самое, что в первом окне, только лес и горы значительно дальше.

Третья комната, очевидно, детская. Четыре кроватки по углам слишком маленькие для взрослого хоббита. Два стола, скорее письменных, чем обеденных, четыре табуретки,

каждая своего размера, от нормальной, рассчитанной на взрослого хоббита, до совсем миниатюрной, впору младенцу, только-только научившемуся сидеть. Больше никакой мебели. Круглое окно выходит на третью сторону света, ну-ка, посмотрим, что у нас с этой стороны? Я подсознательно ожидал снова увидеть луг, лес и скалу, и поэтому то, что я увидел на самом деле, оказалось сюрпризом. А увидел я деревянный одноэтажный дом в каких-то ста футах от меня. Деревянный сруб, круглое окно, труба над крышей... интересно, кто живет в этом доме... для людей он мелковат... не хоббиты же в нем живут! Или в этом мире хоббиты живут не в норах, а в домах? Посмотрим...

Четвертой комнатой оказалась кухня, в которой была-таки печь, и не примитивная, курная, а продвинутая, с трубой, но совсем маленькая, пригодная только для приготовления пищи, но никак не для обогрева, наверное, в этих краях и впрямь не бывает зимы. Но тогда, вроде бы, должно быть круглый год жарко, а сейчас совсем не жарко.

Я вышел на улицу, огляделся по сторонам и открывшийся вид потряс меня до самых глубин моей хоббичьей души. Наверное, подобные пейзажи рисуют иллюстраторы Красной книги, но в реальной жизни редко кому удастся узреть своими глазами подобную красоту.

Со всех четырех сторон вздымались горные кручи, невероятно высокие и почти отвесные, но странным образом они не загораживали солнечный свет, превращая котловину, у

края которой стоял я, в подобие каменного колодца, а лишь оттеняли строгой мертвой красотой пышную зелень маленького островка жизни среди бескрайнего моря мрачных отрогов, громоздящихся один на другой. Наверное, я зря называю их мрачными, ведь если мрак не затмевает свет, а только оттеняет его, такой мрак вряд ли стоит называть мраком. В моей памяти всплыло новое сравнение – театр. Я видел Минаторский императорский театр через волшебное зеркало, и я читал, что все театры устроены примерно одинаково – круглая сцена в центре, и скамьи для зрителей, вздымающиеся концентрическими окружностями. Горы вокруг меня вздымались не то чтобы концентрическими окружностями, но в чем-то похоже, а я находился как бы на сцене, где крутился на месте с разинутым ртом, как детский волчок, впитывая в распахнутую душу холодную силу окружающей красоты. Если разделить окружающий мир на уровни, подобно тому, как делятся места в театре, то голые скалы занимали самый дальний и верхний уровень. Ближе и ниже склоны гор покрывала густая зелень лесов, а дно котловины почему-то не заросло деревьями, а представляло собой пышный зеленый луг, пахнувший свежей травой и жужжащий многочисленными насекомыми. Кстати, похоже, что среди них нет кусачих, а если это действительно так, то я попал не в самый плохой мир.

Лишь в одном месте стена гор разрывалась, открывая выход наружу. Здесь местные майары сотворили нерукотвор-

ный мост, аркой выгибающийся над пропастью и уходящий далеко-далеко, за пределы моего поля зрения.

Вдоволь налюбовавшись пейзажем, я обратил внимание на ближайшие окрестности. На краю котловины стояла настоящая деревня из пяти домов в один ряд, похожих друг на друга как горошины из одного стручка. От ряда домов уходила утоптанная тропинка к мосту над пропастью. Никаких полей или огородов, никаких свинарников и курятников, никакой скотины на лугу. Как же местные жители добывают себе пищу?

Из-за угла самого дальнего от меня дома с радостными криками выбежала стайка хоббичьих детей – мальчик лет десяти и две девочки лет семи-восьми. Они играли то ли в салочки, то ли в какую-то другую подобную игру, эта игра всецело заняла их, и они не обратили никакого внимания на мою фигуру, неподвижно застывшую менее чем в двухстах шагах от них. Поразительная беспечность!

Я переместил взгляд вдоль деревни и немедленно встретился взглядом со смазливой женщиной-хоббитом, сидящей на крыльце самого дальнего дома, из-за угла которого только что выбежали дети. Я вежливо поклонился и поспешил к ней, чтобы представиться по всем правилам. Негоже воспитанному хоббиту кричать через всю деревню, подобно людскому смерду.

– Приветствую тебя, почтенная, – обратился я к ней через минуту, сгибаясь в почтительном поклоне. – Хэмфаст, сын

Долгаста из клана Брендибэк к твоим услугам.

Женщина усмехнулась.

– Не оклемался еще, – сообщила она, – но хоть ходишь на своих двоих, а не валяешься пластом. Честер! – внезапно закричала она во всю глотку. – Честер, иди сюда скорее!

Из недр дома выскочил вихрастый постреленок лет восьми, торопливо дожевывавший что-то запретное, если судить по хитрому выражению его лица. Увидев меня, он замер на месте, и грязноватый большой палец его правой руки немедленно скользнул в непроизвольно разинувшийся рот.

– Честер, – сказала женщина, – сходи к папе, скажи, что больной дядя уже ходит, но еще не совсем здоров. И смотри по сторонам, чтобы с тобой не случилось то же самое, что с дядей.

Честер задумчиво окинул меня взглядом сверху вниз, а потом снизу вверх (будь я женщиной, я бы сказал, что он раздевает меня взглядом), подвигал челюстью, будто продолжал что-то жевать, и задумчиво спросил:

– Так что, дядя не умрет?

– Нет, не умрет.

– Почему? Шаня умерла, а дядя не умрет. Это неправильно!

– Честер! – повысила голос женщина. – Бегом к папе! – Она повернулась ко мне. – Извини, почтенный, Честер еще недостаточно вырос, чтобы быть вежливым.

– Я не обижен, – ответил я. – На детей глупо обижаться.

Женщина облегченно вздохнула.

– Ну пойдём, что ли, в дом, – сказала она. – Проголодался, небось.

Внезапно я понял, что действительно проголодался. И мы вошли в дом.

Внутри этот дом оказался в точности таким же, как и тот, в котором я очнулся, если не считать того, что этот дом не был пустым. Большой обеденный стол застелен скатертью, покрытой искусно вышитыми цветами, на полках множество мелких вещичек и безделушек, которые неизбежно появляются всюду, где появляется женщина, слева и справа от окна висят традиционные гобелены. И эти гобелены немедленно притянули мой взгляд.

Гобелен слева от окна изображал пейзаж. Одинокая гора, столь огромная, что не поместилась целиком в картину, прихотью майаров на ее склоне возникла большая ровная площадка и на этой площадке стоит город, обнесенный белокаменной стеной. Многочисленные здания, деревянные и каменные, громоздятся за стеной, две башни, одна снежно-белая, другая грязно-серая, вздымаются в небо. Ворота крепости широко распахнуты, многочисленные хоббиты входят в них и выходят из них по своим неведомым делам. А справа от ворот, на заднем плане... никаких сомнений, это тот самый ажурный мост над пропастью, который я видел живьем минуту назад.

– Этот город... он сразу за мостом? – обратился я к хо-

зьяйке дома.

– Слава Оберику, к тебе возвращается память, – ответила она. – Это Сакред Вейл. Вспомнил?

Я отрицательно помотал головой и обратил взгляд на второй гобелен. Странная картина – воин в тяжелой броне и глухом шлеме, вооруженный длинным, слегка изогнутым мечом и небольшим круглым щитом, на котором изображен зеленый дракон, изрыгающий пламя. Воин сидит верхом на самом настоящем зеленом драконе, и на спине воина сквозь щели в броне торчат зеленые перепончатые крылья, в данный момент сложенные. Это что, помесь орка с драконом? Разве такое возможно? Воин сражается, он отбивается мечом от целой стаи куропаток-переростков. Несмотря на то, что эти птицы на первый взгляд выглядят совсем не опасными, присмотревшись, понимаешь, что дела странного рыцаря совсем плохи. На его броне не видно разрубов и вмятин, но в его позе, в повороте головы, в замахе руки, во всем облике сквозит отчаяние, кажется, что он сражается из последних сил и недалек тот миг, когда одна из куропаток, более удачливая, чем ее товарищи, прорвется сквозь веерную защиту и... и что? Просунет свой нестрашный клюв сквозь смотровые щели шлема и вырвет глаза воина? Глупость какая! Но все же, почему бой выглядит таким безнадежным?

– Это Дредвинг, – сказала хозяйка. – Вспоминаешь?

Я покачал головой. Женщина вздохнула.

– Когда я была беременна Честером, – сказала она, – по

приказу Оберика великое войско отправилось на северный узел. Узел охраняли полторы сотни каменных куропаток и десятков медведей. Это была великая битва, мы победили, но из всего войска уцелели только медведи, потому что защитники узла не трогали своих родичей до последнего. Дредвини тоже погиб в том бою. Неужели ты все еще не вспоминаешь?

– Нет, – сказал я, – я не помню этого. Но не потому, что еще не оправился после болезни. Дело в том, почтенная...

– Какая я тебе почтенная? – перебила меня женщина. – Не называй меня так, это звучит, как издевательство! Я обычная солдатка, какое ко мне может быть почтение?

– Тебя так зовут – Солдатка?

Моя собеседница глубоко вдохнула и выдохнула.

– Все забыл, – сказала она. – Ладно, называй меня хоть горшком. Эля меня зовут. А мужа моего теперешнего – Юрген.

– Что значит «теперешнего», Эля? – я искренне удивился. – Разве хоббиты вступают в брак не на всю оставшуюся жизнь, пока одного из супругов не заберет могила?

– Тю! Я же ясно сказала – солдатка я. Какой тут брак может быть? Солдатка!

Она раз за разом повторяла это слово, как будто оно должно было все объяснить. Наверное, так оно и было, но я не понимал значение этого слова.

– Послушай меня, Эля, – сказал я, – я должен сказать тебе кое-что важное. Я появился в этом мире совсем недавно.

Первое, что я увидел – это была огромная ящерица в закопченных очагах, а больше я почти ничего не помню.

– Еще бы ты помнил! Тебе еще повезло, что жив остался, хватило ума валяться под василиском. – Она осеклась. – Появился совсем недавно? Ты что, из детей Творца? Не морочь мне голову! Дети Творца не появляются в Вейле уже... да я была одной из последних! Хочешь, расскажу, откуда ты взялся? Из Вейла ты взялся, из нормальной халфлингской семьи. Захотел своими глазами на тварей посмотреть, стражу на мосту как-то обманул, вошел в бестиарий, сразу же наткнулся на василиска и чуть не сдох. А теперь говоришь всякую ерунду, думаешь, что это тебя от порки избавит. Не дождешься, как там тебя... Хэмфаст! Не дождешься, Хэмфаст! Вот сейчас Юрген с поля придет, осмотрит тебя, и если здоровым признает, а ты здоров, как хряк, это я тебе точно говорю, так вот, всыплет тебе Юрген розог по мягкому месту, а потом стража на мосту еще добавит, и еще родители. Ладно, герой хренов, давай покормлю тебя, что ли.

Я глупо кивнул, не зная, что и сказать на эту гневную отповедь. Она не поверила мне, и это совершенно естественно, я бы тоже не поверил, скажи мне кто-нибудь, что он только что явился из другого мира. Но то, что мне собираются всыпать розог... это просто смешно! Я расхохотался. Эля удивленно смотрела на меня, а я все смеялся и смеялся и никак не мог остановиться, пока слезы не потекли у меня из глаз.

– Ух... ха-ха-ха... всыпят розог... Не смейся меня так,

Эля, так можно и концы отдать... скорее, чем от василиска... ха-ха-ха.

– Не смешно! – отрезала Эля. – Еще плакать будешь. Пошли на кухню, поешь.

Она повернулась к кухонной двери, я проник в дверь взглядом и вник в ее внутреннюю сущность. Неодушевленные предметы здесь устроены так же, как и в Средиземье, это хорошо. Я отдал приказ, и дверь распахнулась.

Эля резко обернулась ко мне.

– Ты что, шаман? – спросила она.

– Маг, – поправил ее я.

– Магов-халфлингов не бывает. Ты что, Хэмфаст, сбежал из собора?

– Я не сбежал из собора, я пришел из другого мира, сколько раз можно повторять.

– Да не ври ты мне! – Эля снова начала сердиться. – Дети Творца не обладают магией. Или... ты имеешь ввиду, что ты из Миррора?

– Нет, я не из Миррора, я из Средиземья (Моргот меня раздери, сколько терпения нужно, чтобы убедить женщину в совершенно очевидной вещи!)

– Из какого такого Средиземья?

– Есть такой мир – Средиземье. Там живут хоббиты, люди, гномы, орки, раньше еще жили эльфы, но теперь они ушли в Валинор.

– Хватит мне зубы заговаривать! Валинор еще какой-то

выдумал... Садись лучше за стол и ешь. Вот Юрген придет, ему мозги полощи.

Я сел за стол, Эля выставила на стол краюху хлеба, ломоть холодной оленины и кувшин брусничного морса. Я хотел было попросить пива, но передумал. Зачем нарываться на еще один поток слов и эмоций, да и не слишком разумно напиваться в первый же день в незнакомом мире. Внутренний голос сообщил мне, что этот день явно не первый, но я пояснил ему, что те дни, что я валялся в беспамятстве, не считаются.

В общем, я начал есть, и вкус мяса, пусть даже и холодного, на некоторое время совершенно изгнал из моего мозга все остальные мысли. Оказывается, я прямо-таки зверски голоден.

4

Юрген появился в дверях кухни, когда я уже приканчивал кусок оленины. Это был тот самый хоббит, что вылечил меня. Он критически посмотрел на меня и сказал:

– Ну что, юноша, я гляжу, ты уже вполне пришел в себя.

Я кивнул, поспешно проглотил недожеванный кусок, встал из-за стола, поклонился и сказал:

– Почтенный Юрген, я, Хэмфаст, сын Долгаста из клана Брендибэк, благодарю тебя за мое спасение. Теперь я твой вечный должник.

– Мда... – протянул Юрген. – Похоже, я поторопился объявлять тебя здоровым. Что это за клан Брендибэк, хотел бы я знать?

– В том мире, откуда я пришел...

– Ты что, из Миррора пришел? Не смейся меня.

– Дослушай меня, почтенный, – я начал злиться. – В мире, именуемом Средиземьем, где я родился и вырос, и откуда пришел сюда, хоббиты не строят городов, а живут кланами. Полное имя хоббита...

– Кого? – перебил меня Юрген.

– Хоббита. Наш народ называется хоббиты.

– Наш народ называется халфлинги. Но продолжай.

– Так вот, в Средиземье, хоббиты (я подчеркнул интонацией это слово) живут кланами. И полное имя хоббита вклю-

чает в себя личное имя, имя отца и имя клана. Клан Брендибэк – сильнейший клан Хоббитании.

– Хоббитания – это, очевидно, страна хоббитов? – поинтересовался Юрген.

– Да.

– И как же ты попал из этой своей Хоббитании в Арканус?

– Арканус – это ваш мир?

– Ну да. Можно подумать, ты не знаешь.

– Со мной путешествовали двое сильных магов – Олорин и Уриэль. Они пробили канал сюда, но...

– Очевидно, подевались неизвестно куда, а ты остался один?

Я кивнул.

– Эля! – крикнул Юрген. – Принеси-ка пучок розог по-свежее! Кажется, нашему юному гостю пора доступно объяснить, что не следует слишком затягивать шутки.

Вот и Юрген мне не поверил. Но мы еще посмотрим, кто кого сейчас выпорот.

Эля появилась в дверях кухни с розгами в руке, я открыл второй слой ее души и наложил заклятие неподвижности. На ее лице отразилось недоумение, она пыталась сделать еще один шаг, но каждое движение за неуловимую долю мгновения отменялось и в результате ее тело судорожно подергивалось, но оставалось на месте.

Юрген посмотрел на Элю, потом на меня и снова на Элю.

– Так ты шаман, парень, – протянул он.

– Я не шаман, я маг.

– Халфлинггов-магов не бывает, – отрезал Юрген. – Как ты это делаешь?

Я отменил заклинание, Эля сделала несоразмерно широкий шаг и чудом устояла на ногах. Юрген посмотрел на нее и снова уставился на меня.

– Все очень просто, – сказал я. – Ты знаешь, что такое элементар?

– Конечно. Существуют три вида элементаров – земные, воздушные и огненные...

– Нет, не то, – перебил я Юргена, – элементары – это как бы элементарные операции высшей магии, из которых складываются все заклинания.

– Как это? – удивился Юрген. – Любое заклинание целостно и неделимо, шаман может только указать цель заклинания и все. Иногда еще можно управлять отдельными параметрами, но такое встречается редко. Но в любом случае заклинание нельзя разделить на составляющие.

Настала моя очередь удивляться.

– Но я только что сотворил заклинание, составленное из семи отдельных элементаров. Значит, все-таки можно творить составные заклинания!

Юрген соорудил скептическую гримасу.

– Может, ты сам толком не понял, что сотворил?

Вместо ответа я наложил на себя невидимость, а затем отменил ее. Потом я выставил вперед левую руку с растопы-

ренными пальцами, но желтая мерцающая спираль не захотела срываться с кончиков пальцев. Я попробовал метнуть фиолетовую молнию – тот же результат. Тогда я дематериализовал розги, все еще зажатые в руке Эли – это заклинание прошло безупречно (получается, в этом мире работает только высшая магия?). Эля тихо ахнула.

– Ты думаешь, что я каждый раз чего-то не понимаю? – спросил я.

Юрген растерянно пожал плечами.

– Не знаю, что и думать, – сказал он. – Твои возможности далеко выходят за пределы сил, отпущенных Творцом шаманам-халфлингам. А может, ты герой? – внезапно спросил он.

Я вздрогнул. Еще никто не называл меня героем, пусть даже и в форме предположения. Я начал отвечать, тщательно подбирая слова:

– Быть провозглашенным героем – огромная честь, за всю историю Хоббитании ее удостоились только пять хоббитов. Возможно, когда я умру, совет визардов объявит меня шестым героем. Пока я не успел сделать почти ничего героического, но все еще впереди и...

– Опять ты не о том, – проворчал Юрген. – Да и не можешь ты быть героем – герои приходят в мир через Круг Призвания, это только дети Творца появляются откуда ни попадя. Может, ты новый сын Творца? Но тогда почему ты помнишь то, что было раньше?

– Почтенный Юрген, – я изо всех сил старался быть тер-

пеливым, – может быть, проще поверить в то, что я говорю, чем выдвигать разные фантастические предположения?

– А что может быть фантастичнее, чем халфлинг, пришедший в Арканус из какого-то другого мира, причем не из Миррора? Получается, во вселенной существует и третий мир?

– Во вселенной существует великое множество миров. И тот, кто владеет высшей магией, может переходить из мира в мир, как путник, владеющий собственными ногами, может переходить из одного места в другое.

– Высшая магия... что за высшая магия? Она доступна халфлингам?

– Она же доступна мне.

– Ты научишь меня?

Кажется, я зря сказал Юргену, что я его вечный должник. Но слово вылетело и теперь его уже не вернуть обратно. Я кивнул.

– Конечно, Юрген, я просто обязан научить тебя, ведь ты спас мне жизнь. Но прежде всего я хотел бы побольше узнать об Арканусе.

Юрген обернулся к жене.

– Эля! – крикнул он. – Принеси нам вина из погреба.

И он начал рассказывать.

Юрген говорил долго, почти до утра, если бы на Арканусе было понятие «утро». Но обо всем по порядку.

Арканус – довольно странный мир, если судить с точки зрения существа, привыкшего совсем к другим законам природы. Местным жителям показалось бы странным и сумасшедшим то, как течет жизнь в Средиземье.

На Арканусе нет солнца, вместо этого равномерно светится весь небосвод, такой же голубой, как в Средиземье. Здесь нет смены дня и ночи, небо светит круглые сутки, темнота здесь бывает только в горных пещерах да в замкнутых помещениях. Здесь у разумных нет единого распорядка дня – каждый встает и ложится спать тогда, когда ему вздумается. В городах каждые восемь часов на специальной башне бьет колокол, чтобы было проще договариваться о делах и встречах, а в поселениях каждый спит и бодрствует так, как ему удобнее. Интересно, что жители Аркануса измеряют время точно так же, как и мы: шестьдесят секунд составляют минуту, шестьдесят минут – час, двадцать четыре часа – сутки, тридцать суток – месяц, двенадцать месяцев – год. Очень странно, особенно если учесть, что год Аркануса довольно точно совпадает с годом Средиземья. Может, наши миры сотворяли одни и те же валары?

Жители Аркануса относятся к времени довольно-таки

безразлично. Здесь никто никуда не торопится, никто не назначает никаких мероприятий на какое-то точное время. Местные хоббиты... или халфлинги... наверное, правильнее называть их халфлингами... так вот, местные халфлинги вообще не любят употреблять в разговоре количественные оценки времени, чаще они говорят «скоро», «давно», «так давно, что в Сакред Вейле еще не было городской стены» и так далее.

На Арканусе не знают и смены времен года. Здесь не бывает ни зимы, ни осени, ни весны, всегда стоит нежаркое лето. Юрген говорит, что к северу отсюда воздух холоднее, а к югу теплее, а еще дальше к югу снова холоднее, но нигде – ни на севере, ни на юге времена года не меняются. Если в каком-то месте холодно, то там всегда холодно, если жарко, то всегда жарко. Иногда небо затягивают тучи, проливающие на землю дождь, тогда небесный свет перестает согревать землю и становится холоднее, иногда несколько дней подряд на небе не появляется ни облачка, тогда халфлинги начинают страдать от жары, но никогда не бывает так, чтобы погода поменялась резко и надолго. А снег здесь лежит только на вершинах самых высоких гор.

Время Аркануса имеет и другое странное свойство. Когда путник отправляется в дальнее странствие, время для него идет в шесть раз быстрее. То есть, если путник будет идти целый день, не останавливаясь, а потом пойдет обратно, то, когда он вернется в начальную точку пути, там пройдет це-

лых двенадцать дней. А если путник идет по дороге, время идет не в шесть раз быстрее, а всего в три. И особенно удивительно, что эти эффекты проявляются только в дальних путешествиях, если пройти милю туда и милю обратно, никаких искажений течения времени не произойдет.

Арканус на самом деле – не один мир, а два. Один называется собственно Арканус, а второй – Миррор. Эти миры параллельны, и каждой точке одного мира соответствует точка другого. Есть существа, которые могут в любой момент перейти из одного мира в другой, и есть башни, которые принадлежат одновременно обоим мирам. Каждая из таких башен имеет два выхода, и каждый выход ведет в свой мир.

В обоих мирах обитают разнообразные существа, некоторые из которых разумны. В Арканусе живут халфлинги, люди, ящеры, клаконы, похожие на больших кузнечиков, а в Мирроре – темные эльфы и какие-то другие расы, про которых Юрген не знает ничего определенного. Есть еще полумозговые и неразумные существа, и их разнообразие столь подавляюще, что уже через минуту я попросил Юргена прекратить их перечисление и перейти к описанию других интересных вещей.

Принято считать, что Арканус и Миррор сотворены одновременно около тысячи четырехсот лет назад. Почему именно этот срок почитается за возраст мира, никто точно не знает, но принято считать именно так. Большую часть времени и в Арканусе, и в Мирроре не происходило ничего, достойно-

го упоминания. Разумные расы добывали себе пропитание, иногда воевали друг с другом, иногда мирились, неразумные и полуразумные то прятались в потаенных уголках миров, то начинали рыскать большими и малыми группами, убивая и разрушая все на своем пути, и тогда разумные на время забывали свои раздоры, собирали объединенное войско и останавливали тварей, и дальше все снова шло своим чередом.

Все изменилось тридцать три года назад, когда в миры явились четыре хозяина – Оберик, Мерлин, Шери и Сссра. Они явились в миры одновременно, но в разные места: Оберик к халфлингам, Мерлин и Шери к людям, Сссра к миррорским эльфам. И в каждом поселении, где появился хозяин, стали происходить удивительные вещи.

Прежде всего стоит упомянуть детей Творца. На территориях, контролируемых хозяевами, стали появляться словно из ниоткуда молодые юноши и девушки, причем в таком количестве, что естественнорожденные существа скоро оказались в меньшинстве. По словам Юргена, в лучшие годы в Сакред Вейл за день являлось до семи детей Творца.

Потом стали являться герои – странные существа, принадлежащие, на первый взгляд, к обычным разумным расам, они обладали силой и способностями, недоступными никому из смертных. Только что явившийся герой стоит в бою двух десятков обученных халфлингов, а по мере того, как герой набирается опыта, его силы быстро растут, и через несколько лет он становится практически неуязвим для

обычных смертных. Дредвинг, изображенный на гобелене в гостиной, тоже был героем, но он не успел развить свои силы в должной степени до того, как погиб в битве за северный узел. Что такое узел? Не забегай вперед, Хэмфаст, всему свое время. Впрочем...

В обоих мирах от века была магия. Но пока не было хозяев, никто из разумных не умел пользоваться ею в полном объеме. Только хозяева могут вникнуть в суть магии, только они могут творить по-настоящему могущественное волшебство. Что доступно шаману-халфлингу, если вдуматься? Сотворить огнешар, вылечить живое существо, очистить землю от заразы, вот и все. А хозяева... нет, это бессмысленно объяснять, это надо видеть. Вот, например, василиск, откуда, думаешь, он взялся? Из круга призвания, Оберик его призвал... первого, пожалуй, с год назад, а второго где-то с полгода... или раньше это было... да неважно! Короче, василисков Оберик призвал... откуда? Не знаю, принято говорить, что твари призываются, а не сотворяются, а откуда, пожалуй, только одному Оберику и ведомо.

Каждое заклинание требует маны. Мана берется из двух источников – от шаманов и от узлов. Каждый шаман постоянно дает хозяину немного маны, совсем чуть-чуть, но шаманов много и суммарная магическая дань весьма впечатляющая. А узлы... один узел в среднем дает столько же, сколько четыреста-пятьсот шаманов. Что представляет собой узел? Да что угодно! Роща, озеро, вулкан... Любой шаман чувству-

ет за десятки миль силу, идущую от узла, и не только разумные существа чувствуют эту силу. Вокруг каждого узла неизбежно собираются разнообразные твари, которых притягивает поток магии. Говорят, что сами узлы обладают зачаточным разумом и что это они притягивают тварей, чтобы защитить себя... а кто его знает, от чего... про узлы много всего говорят...

Около Сакред Вейла есть два узла – северный и южный. Северный – это роща на берегу озера примерно милях в двухстах к северу и чуть западнее. Раньше там жили каменные куропатки и медведи, а когда войско Дредвинга выбило их из узла ценой своих жизней, там поселился магический дух, собирающий ману и пересылающий ее Оберику. А чтобы твари снова не захватили узел, Оберик разместил там гарнизон.

А южный узел – это вулкан на юго-юго-запад от города, на правом берегу Валуина. Валуин – это река такая, широкая, глубокая и судоходная. И рыбы там много ловится. Так вот, если переправиться по мосту через Валуин, миль через сто будет потухший вулкан. Там раньше спон жил, Оберик долго боялся с ним связываться, а когда пришло время, его прибили быстро и вообще без потерь. Спон – это ведь такая тварь, что приближаться к ней вплотную не следует, а издали расстрелять не так уж и сложно. Вот с куропатками так не получится... Почему? Да потому что куропатки летают! Спон, впрочем, тоже летает, но низко-низко и очень мед-

ленно, а куропатки, считай, обычные птицы во всем, кроме каменного прикосновения. Что такое каменное прикосновение? Помнишь, что с тобой было, когда с василиск на тебя посмотрел поверх очков? Это каменный взгляд. Василиск умеет обращать в камень взглядом, а каменные куропатки так не могут, им надо коснуться противника, хоть клювом, хоть лапой, хоть крылом. И броня от каменного прикосновения не защищает вообще никак. Теперь понял, почему Дрединга на той картине так перекорежило? Давай, что ли, выпьем за упокой великого героя. Хоть и не успел он войти в великую силу, но его дух пожалуй, никто из героев не превзошел да и не превзойдет.

Зачем василиску очки нужны? Неужели еще не понял? Чтобы каменный взгляд нейтрализовать. Когда василиск через закопченное стекло смотрит, от его взгляда никакого вреда нет. Только василиск все время очки то снимает, то перекашивает, одна морока с ним. Думаешь, почему бестиарий в стороне от города размещается? Вот как раз поэтому. Ладно, хорошо мы с тобой поговорили, да язык уже заплетается, пора на боковую. Эля, возьми одеяло да постели Хэмфасту в пустом доме. Да заодно постель ему согрей, а то небось, как выздоровел, сразу тяга к жизни зашевелилась? Да не красней ты, и не обижайся, чего тут обижаться? Эля мне не жена, она солдатка, поделиться солдаткой хозяину не зазорно. Ладно, потом расскажешь, какие в вашей Хоботании законы, а я спать пойду, глаза уже слипаются.

Я проснулся от жажды и немного болела голова, хорошо, что заботливая Эля вчера догадалась поставить кувшин с пивом у изголовья. А вот и она, кстати, лежит, посапывает и чему-то радостно улыбается во сне. Я опохмелился и начал размышлять о том, что узнал вчера, а в особенности о том, что узнал в самом конце.

Халфлинги, так же, как и хоббиты, живут семьями. Вот только семьи у халфлингов бывают разными. В поселениях фермеры, лесорубы и шахтеры живут в основном так же, как и хоббиты. Не совсем так же хорошо, как в Хоббитании, нет у местных жителей таких же четких и правильных законов, и не в столь полной мере у халфлингов выражено законопослушание, но все равно, у большинства халфлингов семейная жизнь более-менее пристойна по хоббичьим меркам. А вот солдаты... Солдаты не имеют постоянного дома и постоянного имущества, все, что есть у солдата – это оружие, броня, да рюкзак с неприкосновенным запасом продовольствия. Солдат не имеет своей воли, он идет туда, куда прикажет хозяин и делает то, что прикажет хозяин, не щадя ради хозяина ни своей жизни, ни чести, ни вообще ничего. Большую часть времени солдаты проводят не в походах, а в гарнизонах, они оттачивают воинское мастерство, следят за порядком в городах и поселениях, отражают набеги рейдеров и монстров,

когда такие набеги случаются. Чтобы солдаты не чувствовали себя ущербными и чтобы ремесло солдата было не позорным, а почетным, каждому солдату полагается солдатка – жена не жена, шлюха не шлюха, а так, что-то среднее. Когда солдат прибывает в гарнизон, ему немедленно выделяют дом, хозяйство и солдатку как приложение. Пока солдат в гарнизоне, она ему как жена, а прикажет хозяин отправиться в поход, и уходит солдат, а солдатка его остается, ждет, когда другие солдаты придут в гарнизон. А придет солдат служить на новое место, местный староста прикажет построить для него новый дом и выдаст новую солдатку.

Вот так и получается: на первый взгляд семья, а на второй – сплошное непотребство. Солдат не привязывается к временной жене, ведь в любой момент он может отправиться в дальний путь по слову хозяина, и неизвестно еще, дойдет ли солдат живым до конца пути. Зачем впускать в сердце глубокие чувства, если знаешь, что все равно придется расставаться? Лучше уж жить так, чтобы не страдать, когда настанет время разлуки. И солдатка солдату чаще всего не столько жена, сколько рабыня, а дети не столько дети, сколько бесплатные помощники на побегушках. А то и хуже бывает...

– Юрген еще ничего, – говорила Эля, когда вчера мы бок о бок лежали под одеялом, – он, по крайней мере, Шаню не трогал, пока жива была, а вот до Юргена был у меня Фобер... я еще тогда в городе жила... так он... нет, Хэмфаст, не буду я говорить об этом, до сих пор горько и противно.

– Шаня – это кто? – спросил я.

– Дочь моя. Умерла она... уже с полгода, пожалуй, у нас тогда только-только второй василиск поселился. Гуляла в лесу, не знаю уж, чего она там делала, цветы собирала или за бабочками гонялась, вышла на поляну, не осмотревшись, и столкнулась с василиском нос к носу. А у него как раз очки сползли в очередной раз... Шаня маленькая была, худенькая, Юрген сразу же к ней бросился, а уже поздно было. Так и лежит с тех пор булыжник на краю леса.

Не знаю, как бы я отреагировал на эти слова, будь я трезв, а вчера я просто пробормотал что-то невразумительное, отвернулся от Эли и заснул. А сегодня это кажется уже совсем далеким и каким-то неважным, что ли...

Я осушил вторую кружку и поставил ее на тумбочку в изголовье кровати. Слишком громко поставил, не рассчитал. Эля немедленно открыла глаза, помотала головой и села, даже не потрудившись прикрыть одеялом обнаженную грудь.

– Ой, прости меня, Хэмфаст, – сказала она, – я ведь тебе так и не дала вчера. Не обижайся, я сейчас...

Я поспешно вскочил с кровати и потянулся за штанами. В глазах Эли проступила обида.

– Брезгуешь...

– Да ты что, Эля!

– Брезгуешь. Старая я стала. Боюсь, Юрген последним моим мужем будет. Уйдет он вместе с тварью своей, останусь я никому не нужна, одна дорога останется – на алтарь.

– Как это на алтарь? – не понял я.

– Как-как... из одного халфлинга можно получить один миллидух маны. Если правильно совершить умерщвление.

– Так это... так что, у вас жертвоприношения практикуются?

– Какие же это жертвоприношения? Это не в жертву, это чтобы ману извлечь. Разве ж это жертвоприношение?

Меня передернуло. Что за гнусный мир! И мне ведь предстоит прожить в нем всю оставшуюся жизнь! Интересно, хватит у меня сил и умения изменить этот мир? Или мне придется принять его таким, какой он есть? Лучше бы не пришлось.

Я сижу на лужайке в позе болотной кувшинки, напротив меня сидит Юрген, за ним высится гигантская туша василиска, еще один василиск пасется поодаль, он попадает в поле зрения, если сместить голову чуть правее. Я говорю Юргену:

– Ты же умеешь творить заклинания! Ты только что совершил излечение этого кузнечика, разве ты не почувствовал последовательность действий? Ты открыл его душу, проник во второй слой, получил свойство здоровья, увеличил до максимума, а потом сохранил все изменения двумя элементами.

Юрген качает головой, скептически ухмыляясь:

– Я просто выполнил заклинание излечения, единое и неделимое. Все очень просто, Хэмфаст. Вы, хоббиты, умеете расчленять заклинания на составные части, а нам, халфлингам, это недоступно, пусть во всем остальном мы неотличимы. Я никогда не научусь высшей магии.

Он прав, и я это понимаю, но должен же я что-то сделать для того, кто спас мою жизнь! И я говорю:

– Хорошо, Юрген. Пусть я не могу научить тебя высшей магии, но я дам тебе воспользоваться ее плодами. Отныне ты неуязвим.

И я накладываю на него соответствующее заклинание.

Юрген не понимает меня.

– Отрежь себе палец, – говорю я.

Юрген смотрит на меня непонимающим взглядом, и в его глазах неверие.

– Позволь, я ударю тебя, – говорю я, – тогда ты поймешь, какое заклятие на тебя наложено.

Он медленно кивает, и я бью его кулаком в левую скулу, не очень сильно, но ощутимо. Голова Юргена резко дергается, он осторожно касается щеки, мотает головой, касается щеки еще раз. Он вытаскивает кинжал из ножен, висящих на поясе, зажмуривает глаза и... я отворачиваюсь, это слишком противно. Я слышу мерзкий хряск, тихое бормотание Юргена, несомненно, ругательство, а потом я поворачиваюсь обратно и вижу, как Юрген, широко распахнув глаза и отвалив нижнюю челюсть, смотрит на то, как у него медленно отрастает палец. Потом Юрген берет в руку отсеченный палец, вертит его туда и сюда, а потом поднимает глаза и говорит:

– Сдается мне, что теперь я твой должник.

8

Я стою перед василиском. Я активировал заклинание неуязвимости и каменный взгляд мне больше не страшен. Я изучаю то, что творится в душе твари.

А ничего особенного там и не творится. Формула каменного взгляда на языке высшей магии совсем проста, я без особых проблем могу наложить такое заклинание на себя или на кого-то другого. Я даже мог бы подарить это заклинание Юргену, но он не сможет включать и выключать каменный взгляд, как не может этого делать василиск, а будучи постоянно включенным, это заклинание не принесет Юргену ничего хорошего.

На василиска наложено еще одно заклинание, но оно совсем слабое, оно просто чуть-чуть увеличивает ловкость. В остальном василиск – обычная безмозглая тварь, примечательная лишь размером и физической силой.

Остается непонятным только одно – как бистмастеры ухитряются управлять этой гигантской тварью. Я прошу Юргена как-нибудь покомандовать василиском, он заставляет тварь сделать несколько шагов туда и обратно, и я испытываю разочарование. Это реализовано изящно, но просто до примитивности – василиск воспринимает внешние команды как свои собственные желания и все, больше говорить не о чем.

Даже гигантские пауки, живущие в лесу по соседству, устроены посложнее. На них наложено целых три заклинания – повышение ловкости, паутина и яд. Юрген и другие бистмастеры говорят, что это не заклинания, а свойства, присущие паукам от природы, но я, в отличие от них, умею проникать взглядом в суть вещей, и я знаю, что это заклинания, и неважно, наложены они магом или от природы присутствуют в душе паука.

Кажется, я уже сделал все дела, какие только можно сделать в этой зеленой долине между гор. Большой мир ждет меня. Мне осталось только одно – мне кажется несправедливым, что прекрасная душа Эли заключена в стареющее тело женщины-халфлинга. Пожалуй, я наложу на нее заклинание, которое даст ей красоту и бессмертие.

Бескрайнее небо простирается впереди и сзади, справа и слева. Только далеко-далеко внизу видны горные скаты, поросшие лесом, но они так далеко, что кажутся нарисованными на гигантском полотнище, растянутом по земле, а нерукотворный каменный мост, по которому идем мы с Юргеном, воспринимается как единственный реальный объект на многие мили вокруг. Крупная птица неподвижно висит в восходящем воздушном потоке футах в двухстах ниже уровня моста – для Юргена это привычное зрелище, а меня оно потрясает до глубины души.

Мы достигаем верхней точки моста и я вижу цель нашего путешествия – Сакред Вейл. Небольшой городок по меркам Средиземья, населения на глаз всего-то тысяч восемь, является одним из крупнейших городов на всем Арканусе. В небо вздымается белая башня собора и грязно-серая башня гильдии алхимиков, из трубы на крыше которой струится легкий дымок. В городе видно еще два или три источника дыма, Юрген говорит, в Вейле есть металлургический завод и много мастерских, изготавливающих из свежеразплавленного металла разнообразные орудия труда и войны. На краю пропасти распростерла гигантские крылья ветряная мельница чудовищных размеров, интересно, как используется столь огромное сооружение? Передает вращение

станкам в мастерских? Оригинально.

Город стоит на ровной площадке, волей майаров или игрой случая возникшей посреди лабиринта острых скал и отрогов, только один путь ведет отсюда в большой мир, и этот путь перегорожен тридцатифутовой белокаменной стеной с воротами, четырьмя башнями, по две по каждую сторону от ворот, рвом и подъемным мостом на толстых цепях. Юрген говорит, с другой стороны есть еще два спуска, и оба тоже надежно защищены стеной и потому Сакред Вейл практически неприступен для нелетающей армии.

Скальный мост, наконец, кончается, мы оказываемся на твердой земле и я непроизвольно вздыхаю с облегчением. К нам приближаются два халфлинга, у них нет никакого оружия, кроме коротких кинжалов, и одеты они в обычные куртки и штаны, но я сразу понимаю, что это воины, солдаты, как здесь говорят. Не знаю, почему я так решил, но есть что-то неуловимое в их походке, движениях, взглядах, что позволяет безошибочно определить воинское умение. А тот, кто идет чуть впереди, пожалуй, не простой воин, а командир, по меньшей мере, сотник.

– Привет, Юрген! – крикнул он. – Кого это ты привел к нам? Твой сын, вроде, моложе.

– Привет, Ясенгард! – отозвался Юрген. – Это не Честер, Честер, действительно, намного моложе, – Юрген усмехнулся. – Его зовут Хэмфаст, это молодой сын Творца.

– Сын Творца? – Ясенгард выглядел удивленным. – Когда

я только-только прошел курс молодого бойца, дети Творца уже давно не появлялись в Вейле. Очень странно.

– Это не самое странное, – продолжал Юрген, – он помнит мир, из которого пришел сюда.

Ясенгард хмыкнул.

– А ты уверен, как там тебя... Хэмфаст... ты уверен, Хэмфаст, что это действительно воспоминания, а не галлюцинации? В первые дни после Пришествия чувствуешь себя довольно странно, я, правда, не слышал, чтобы у кого-то начались глюки, но...

– Я абсолютно уверен, что это не галлюцинации, – сказал я. – Я помню, что мой мир называется Средиземье, а моя страна называется Хоббитания.

– А как зовут твоего хозяина? – спросил Ясенгард.

– У нас нет никаких хозяев. В Хоббитании хоббиты... так у нас называются халфлинги... так вот, хоббиты живут кланами, и во главе каждого клана стоит вождь, но он – обычный хоббит, просто более достойный, чем другие, в нем нет ничего сверхъестественного.

– Значит, в ваш мир хозяева еще не явились, – заявил Ясенгард. – Живете в дикости и варварстве, как наши предки до Оберика.

– Мы не живем в дикости! – возразил я. – У нас есть законы, ремесла и магия – все, что делает народ цивилизованным.

– Только присутствие хозяина делает народ цивилизован-

ным. Разве могут халфлинги, предоставленные самим себе, построить город? А ведь мало просто построить город, в городе надо построить собор или хотя бы часовню, и только потом можно начинать обучение шаманов. Да, впрочем, разве магия шаманов – это настоящая магия? Ты просто не видел, на что способна магия Оберика!

– Я видел василиска и пауков. Я понял все заклинания, наложенные на них, и могу в точности повторить каждое из них. И я умею многое, что в вашем мире недоступно халфлингам.

– Ну тогда покажи что-нибудь, – скептически произнес Ясенгард.

Я открыл низший уровень его души и запустил заклинание перемещения. Ясенгард нелепо взмахнул руками, когда земля ушла из-под ног, но быстро овладел собой и даже сумел соорудить непроницаемое лицо, когда я поднял его на двести футов над землей. Все халфлинги, находившиеся неподалеку, дружно задрали головы к небу и разинули рты. Я зафиксировал Ясенгарда в воздухе и поднялся к нему тем же заклинанием.

– Ну как? – спросил я.

– Сильно. А теперь опусти меня на землю.

Мы опустились, Ясенгард помотал головой и полез во внутренний карман куртки. Он вытащил трубку, закурил, сделал пару жадных затяжек, и только после этого его руки перестали дрожать.

– В твоём мире это умеют все халфлинги? – спросил он.

– Нет, – ответил я, – только я один.

– Ты такой сильный шаман?

– Я не шаман, я – маг.

– Магов-халфлингов... гм... нет, к тебе это не относится.

Значит, ты сильнейший маг своего народа. А как вышло, что ты оказался здесь?

– Мой учитель Уриэль открыл способ перемещаться в иные миры. Он взял меня с собой, но вышло так, что только я смог совершить перемещение. Уриэль остался в Средиземье, и без его помощи я не могу вернуться обратно.

Ясенгард озадаченно потряс головой.

– Ты только что говорил, что ты – сильнейший маг своего народа. И вдруг оказывается, что твой учитель сильнее тебя. Как это понимать?

– Очень просто. Мой учитель – не хоббит, он эльф.

– Эльф? Как эльф может быть учителем халфлинга, если эльфы и халфлинги живут в разных мирах?

– Это у вас, почтенный Ясенгард, эльфы и халфлинги живут в разных мирах и служат разным хозяевам. А у нас, в Средиземье, хоббиты и эльфы от века жили бок о бок, пока не случился Эльфийский Исход и эльфы не покинули Средиземье. Только восточные эльфы Авари...

– Стоп, стоп, стоп! – перебил меня Ясенгард. – Ты еще успеешь рассказать историю своего мира в другой раз. Значит, ты умеешь летать сам и поднимать в воздух других...

– Он еще умеет давать неуязвимость, – вмешался Юрген.

– Это как?

Юрген вытащил кинжал и одним резким движением отсек себе палец. Меня передернуло. Понятно, что ему ничего не грозит, но это же больно! Юрген не закричал и не застонал, он только слегка поморщился. Кровь мгновенно остановилась, а затем обрубок начал расти прямо на глазах и уже через минуту на руке Юргена вырос новый палец. Трубка Ясенгарда потухла, а его руки снова начали трястись.

– Мда... – наконец сказал он, – не знаю, что и сказать по этому поводу. Нет, я не могу принять решение! – резко и как-то мучительно выкрикнул он. – Пойдем к бургомистру.

И мы пошли к бургомистру.

10

Мы стоим перед собором Сакред Вейла. Гигантское здание из белого камня, увенчанное тонкой изящной башней, пронзающей облака. Я чувствую мощнейший источник маны, берущий начало на алтаре, скрытом точно под башней. Это не совсем источник, сам по себе собор генерирует совсем немного маны, гораздо больше магической энергии аккумулируется из ближайших окрестностей, отовсюду, где есть шаманы. В Сакред Вейле обитает около пятисот шаманов, и каждый из них отдает собору примерно миллидух маны в день.

Странно здесь меряют магию, миллидух – вовсе не абстрактная единица, как я думал вначале. Миллидух – это одна тысячная количества маны, потребного для того, чтобы поддерживать существование одного магического духа в течение одного месяца. А магический дух – одно из простейших магических существ, не умеющее почти ничего, кроме как черпать энергию из магического узла и пересылать ее хозяину. Василиск потребляет маны в семь раз больше, чем дух, и несложно подсчитать, что всей магической энергии этого города не хватит даже на то, чтобы поддержать существование двух василисков, пасущихся в бестиарии, не говоря уже о пауках, плетущих сети неподалеку от василисков. Только энергия магических узлов позволяет Оберику дер-

жать в своем войске этих тварей.

Ясенгард толкнул дверь собора и мы вошли внутрь. Многочисленные фрески и статуи должны повергать каждого входящего халфлинга в глубокое мистическое потрясение, но какое мне дело до этого? Я-то знаю, что аккумуляция маны не несет в себе ничего сверхъестественного. Ясенгард немедленно опустился на колени перед фреской, изображающей халфлингов, занятых каким-то сложным обрядом, а я двинулся вглубь собора.

Откуда-то появился пожилой седовласый халфлинг в длинном белом балахоне.

– Что привело тебя сюда, брат мой? – обратился он ко мне, и меня чуть-чуть покорило. Я сразу понял, что «брат мой» – это не более чем вежливое обращение, но, все равно, как-то неприятно слышать, как совершенно посторонний человек называет тебя братом.

– Я хотел бы побольше узнать о мире, – ответил я.

– Кто ты? – немедленно поинтересовался мой собеседник.

– Я прибыл в этот мир совсем недавно и еще не получил определенного статуса.

– Ты из детей Творца? – изумился халфлинг. – Уже около десяти лет в Сакред Вейл не приходили дети Творца. Твое явление поистине удивительно.

– Нет, почтенный, – сказал я. – Мое появление еще более удивительно. Я явился в Арканус из другого мира, и этот мир – не Миррор.

– Ты говоришь глупости, юноша, не существует других миров помимо Аркануса и Миррора.

– Может, ты еще скажешь, что любое заклинание едино и неделимо? – усмехнулся я.

– Конечно!

– Может, ты скажешь, что халфлингам недоступна иная магия, кроме метания огнешаров, излечения живых существ и дезактивации местности?

– Конечно.

В этот момент Ясенгард, завершивший, наконец, сложный ритуал входа в собор, вмешался в разговор и испортил мое нехитрое развлечение.

– Приветствую тебя, почтенный Атлон, – сказал он. – Я хочу увидеть бургомистра по неотложному делу.

– В чем состоит твое дело? – спросил Атлон, подозрительно косясь на меня.

– Этот почтенный халфлинг, – Ясенгард показал на меня, – его зовут Хэмфаст, он молодой сын Творца, он только что прибыл в Арканус, но он помнит, что с ним происходило в предыдущей жизни в ином мире, и он владеет невиданной магией.

Атлон состроил скептическую гримасу.

– Невиданной магией? Ну-ну... – и скрылся в полумраке.

– Зря ты начал шутить над ним, – прошептал Ясенгард. – Это священное место, шутки здесь неуместны. Надеюсь, Буридан сделает скидку на то, что ты еще не знаешь наших за-

КОНОВ.

– Буридан – это кто? Бургомистр?

Ясенгард кивнул и началось долгое ожидание. Я отметил, что Ясенгард заметно нервничает. Непонятно, ведь воин на то и воин, чтобы воспринимать спокойно и без лишнего волнения все, что только может встретиться на его пути. У нас юношей-хоббитов учат этому в первые же месяцы обучения воинскому делу. Может, Ясенгард ощущает потоки злой силы, концентрирующиеся вокруг алтаря? Нет, вряд ли, он же воин, а не шаман.

Атлон выплыл из темноты, как мантикора из тьмы сарая в тот вечер, когда почтенный Никанор принял глупую смерть. Интересно, почему я вспомнил сейчас именно об этом? Предчувствие?

– Почтенный Буридан готов принять вас в малом кабинете, – сказал Атлон, и мне сразу бросился в глаза резкий контраст между медоточивым тоном, которым были произнесены эти слова, и злой торжествующей усмешкой, скрытой в глубине прозрачных стариковских глаз.

Ясенгард уверенно шагнул в темноту, и я последовал за ним. Как только мы покинули круг света, образованный небесным светом, проникающим под своды собора сквозь гигантское круглое окно в центре фасада, сразу оказалось, что темнота не так уж и непроницаема, что она кажется таковой только по контрасту. Ясенгард целеустремленно шагал к неприметной лестнице в темном углу, я следовал за ним и

наши шаги отдавались гулким эхом в гигантском зале. Непонятно, какой смысл строить в таком маленьком городке такое огромное святилище. Неужели этот алтарь не может работать так же эффективно в маленькой деревянной часовне?

Мы поднялись на второй этаж и свернули в полутемный коридор, освещенный лишь острыми лучами небесного света, врывающимися сквозь узкие бойницы. Странное зрелище – будто огненные мечи пронизывают тьму частой гребенкой, их сверкающие лезвия серебрятся тысячами пылинок, танцующих в потоке света, как птицы танцуют в потоке воздуха, и от этого тьма между бойницами кажется еще более непроницаемой.

Я заметил охрану бургомистра только тогда, когда мы подошли к массивной дубовой двери в конце коридора. Двое воинов-халфлингов в легких кольчугах и примитивных шлемах-шишаках с короткими прямыми мечами на поясе. Приглядевшись, я различил два прислоненных к стене маленьких круглых щита из толстой кожи на деревянном каркасе. Рядом с щитами лежали две пращи, а рядом с каждой – увесистый мешочек, очевидно, с боеприпасами. Что-то в этих пращах показалось мне необычным, но я так и не понял, что именно – призрачный свет, не рассекающий тьму, а лишь усугубляющий ее, не позволяющий различать все подробности окружающих предметов. Теперь понятно, почему в этом коридоре такое странное освещение – злоумышленник заметит охрану не раньше, чем получит камнем в лоб. Но почему у

них такое примитивное оружие ближнего боя? Я более пристально взгляделся в короткий меч-огрызок одного из охранников и понял, что не все так просто – от меча ощутимо тянет магией.

– Почтенный Буридан ждет меня, – сообщил охранникам Ясенгард и постучался в дверь. Охранники не обратили на эти слова никакого внимания, они пристально разглядывали меня и под их взглядами я почувствовал себя немного неуютно. Голос из-за двери что-то неразборчиво прокричал, Ясенгард открыл дверь и мы вошли внутрь.

Кабинет бургомистра, против ожидания, оказался совсем крошечным, примерно десять на десять футов. Большую часть его площади занимали три составленных вместе письменных стола, сплошь заваленные свитками пергамента и папируса. Роскошное деревянное кресло с резными подлокотниками, в котором сидел маленький толстенький халфлинг неопределенного возраста, резко контрастировало с предельно функциональным стилем убранства этой комнаты. Позже я узнал, что у бургомистра есть другой, куда более представительный, кабинет для официальных приемов, а эта каморка служит ему только для повседневной работы и то, что нас пригласили именно сюда, могло означать одно из двух – либо большую честь, либо столь же большое недовольство, а реально это означало... но по порядку.

Несколько секунд Буридан напряженно вчитывался в очередную бумагу, не обращая на нас никакого внимания, по-

том он поднял близоруко прищуренные глаза, пристально взгляделся в меня (если его прищур действительно вызван близорукостью, то безуспешно), перевел взгляд на Ясенгарда и раздраженно воскликнул:

– Ну когда вы научитесь не дергать меня по самому ничтожному поводу! Ясенгард, ты что, забыл законы хозяина?

– Я помню законы хозяина, – возразил Ясенгард, – но я считаю, почтенный Буридан, что в этом случае эти законы неприменимы.

– Не тебе решать, когда законы применимы, а когда неприменимы! Законы применимы всегда!

Странно, Буридан сказал сущую правду, но мне кажется, что в его словах есть что-то неправильное. Может, это оттого, что я уже привык жить вне закона?

Буридан тем временем продолжал:

– Охрана! Этого халфлинга на алтарь, а ты, Ясенгард, впредь не забывай, что исполнение законов – долг каждого, а не только бургомистра.

Меня будто ударили по голове орочьей дубинкой. Мне показалось, что я ослышался, конечно, я ослышался, этот пожилой близорукий халфлинг просто не мог просто так взять и отправить меня на смерть! Я не заметил, как открылась дверь позади меня и только охранник, с силой дернувший меня за левую руку, вывел меня из странного оцепенения.

Тело отреагировало само, как учил целую вечность назад Ингрейд, инструктор по рукопашному бою. Я уперся, дернув

телом обратно, а когда противник, все еще находящийся за спиной и потому невидимый, дернул сильнее, я подался навстречу его движению, резко развернувшись лицом к нему, моя правая рука совершила размашистое, но плавное движение, будто целясь ударить в лицо, но не рассчитав траектории удара, не было смысла блокировать это движение, и мой противник не стал этого делать, он просто откинул голову назад, уходя из-под удара, но привнося в свою позу неустойчивость, и моя рука завершила движение, разместившись внутри локтевого сгиба его правой руки. Ой, как плохо! Второй халфлинг заходит сбоку, намереваясь вступить в бой, теперь нельзя продолжать начатый прием до логического завершения, весь план боя приходится менять прямо на ходу, но ничего, в учебных боях бывали ситуации и посложнее. Я шагнул вперед, с силой толкнув левой рукой, все еще пребывающей в тисках противника, его предплечье и оказалось, что теперь поймана на захват не моя рука, а его, и этот захват вот-вот перейдет в болевой прием. Халфлинг мгновенно отпустил мою руку и отпрыгнул назад, разрывая дистанцию, второй халфлинг двумя скользящими шагами прошел мне за спину, готовясь прийти на выручку товарищу, я видел его движения только в виде смутной тени на самом краю периферического зрения, но не зря те, кто знает, говорят, что боевая мощь обученного хоббита многократно превосходит его скромные габариты, а боевая школа клана Брендибэк не зря считается одной из лучших в Хоббитании. Я отпустил захват

и резко крутанулся на одной ноге по часовой стрелке. Второй противник поднял к лицу согнутые руки, готовясь заблокировать удар ногой с разворота, но в реальном бою такие удары практикуют только дураки да великие мастера, обычному среднему бойцу лучше не пользоваться столь рискованными приемами. Вот и я не стал ими пользоваться. Мое правое бедро совершило обманное движение вверх-вниз, но колено не распрямилось, а вместо этого распрямилась левая нога. И ударила она не в лицо, что сделал бы на моем месте любой дурак, и не в почку, что сделали бы большинство, а в локтевую косточку правой руки. Теперь на несколько секунд его рука парализована и несложно развить успех, проведя атаку сверху-слева (это если считать относительно меня, относительно его – сверху-справа). Но я не стал этого делать, Ингрейд твердо вдолбил в меня, что в бою никогда не следует делать то, чего ожидает твой противник, что хороший боец – не тот, кто вызубрил тысячу разных приемов и может безупречно провести любой из них, а тот, кто применяет тот прием, который достигает цели. И я сделал то, что мой противник никак не ожидал – я нанес симметричный удар, парализовав его левую руку.

Дальнейшее было совсем просто. Ментальный фон поединка резко изменился, оба противника, и тот, что панически пятился назад, бестолково дергая непослушными руками, и тот, что приближался ко мне сзади, они оба впали не то чтобы в смятение, но в что-то близкое, и доведение

боя до логичного конца было уже делом техники. Я упал в упор лежа прямо под ноги того, кто готовился прыгнуть на меня сзади, и он пролетел надо мной и его товарищ чудом увернулся от летящего тела. Я вскочил и совершил знаменитый прыжок хоббита. Довольно рискованно делать это в менее чем трех футах от стены, но я был уверен, что жертва не успеет достаточно прийти в себя, чтобы уклониться, и так и вышло. Я выбрал самое простое продолжение прыжка из всех возможных, ударив кулаком в висок халфлинга, судорожно пытающегося отлипнуть от дверного косяка, куда его привел такой неудачный прыжок, так хорошо задуманный, но так плохо выполненный. Двойной удар – вначале кулаком по черепу, а потом черепом в косяк и халфлинг валится на пол без чувств. Я разворачиваюсь и краем глаза вижу летящий в меня кинжал. Это не специальный метательный нож, это обычный универсальный кинжал, и точно метнуть его трудно даже опытному бойцу, а того, кто сейчас метнул его, никак нельзя назвать опытным. Даже если бы я не успел заметить летящее лезвие, оно не причинило бы мне никакого вреда – кинжал ударился бы рукояткой о плечо и все. Но я заметил кинжал и моя рука автоматически совершает отработанное волнообразное движение и достает кинжал из воздуха. Второе движение, столь же отработанное, и кинжал летит туда, откуда прилетел, и на этот раз он брошен куда более умелой рукой. Только когда Буридан валится на пол, как мешок с репой, а рукоятка кинжала торчит из его правого глаза,

я понимаю, что в бой вступил новый участник. Зря вступил.

Второй охранник тянется к ножнам на поясе, я повторяю его жест, но все перекрывает командный голос Ясенгарда:

– Отставить! Васкес, оружие в ножны, Хэмфаст, бой закончен! Все, достаточно, одной смерти более чем достаточно.

Он брезгливо смотрит на распростертое на полу тело бургомистра и тихо бормочет, но мы отчетливо слышим:

– Идиот, Оберик свидетель, каков идиот.

Он пожимает плечами и поворачивается ко мне:

– Добро пожаловать в мир Аркануса, почтенный герой. Не знаю, что помешало тебе явиться в круге призвания, как положено, но я рад, что помог тебе решить возникшие проблемы.

Васкес смотрит на меня, разинув рот, я поворачиваюсь к нему и совершаю ритуальный поклон. Несмотря ни на что, он неплохо дрался. Глаза Васкеса изумленно распахиваются и он поспешно совершает ответный поклон, к которому, к моему великому удивлению, присоединяется и Ясенгард.

– Да хватит вам, – смутился я, – в моем мире поклон – жест уважения к бойцу, с которым ты только что сражался в поединке, неважно, учебном или реальном. Не знаю, что у вас означает поклон... да и знать не хочу. Ты лучше скажи, Ясенгард, почему ты так уверен, что я – герой?

– А кто еще смог бы так раскидать двух слингеров-ветеранов? Кстати, Васкес, проверь, как там Гвалиур, что-то он

долго в себя не приходит.

Я открыл душу Гвалиура и сразу понял, что перестарался. Хорошо, что еще не слишком поздно. Одно заклинание, и Гвалиур поднимается на ноги, трясая головой в изумлении. Он видит меня, и растерянно озирается по сторонам.

– Отставить, Гвалиур! – говорит Ясенгард. – Позволь представить тебе нашего нового героя, Хэмфаста-мага.

В лице Гвалиура проявляется облегчение – куда легче признать, что тебя побил герой, чем если бы это был обычный халфлинг. От героя получить по морде не зазорно.

Ясенгард направился к столу Буридана.

– Уберите эту падаль! – распорядился он, брезгливо обходя труп бургомистра. – Тащите его на алтарь, еще не поздно извлечь ману.

Охранники споро подхватили мертвое тело и уволокли его. Похоже, они только рады оказаться подальше от места, где только что произошло столько из ряда вон выходящих событий.

Ясенгард нетерпеливо просматривал бумаги на столе Буридана, он явно что-то искал.

– Ага! – воскликнул он наконец, – вот этот артефакт! Развел бардак на столе, смотреть противно...

В руке Ясенгарда блеснул прозрачный голубой кристалл, от которого ощутимо тянуло магией. Ясенгард сильно сжал его и в комнате появилось новое действующее лицо.

Это действительно было лицо, одно лицо без тела. Оно

висело над столом прямо в воздухе, и его контуры прорисовывались в воздухе настолько четко, что я не сразу понял, что это просто морок.

Эльф, несомненно, эльф. Тонкое удлинённое лицо с тонкими губами, длинным и тонким носом и заостренными ушами. Совершенно седые брови и сочно-зеленые волосы. Дикое сочетание, но оно почему-то казалось совершенно естественным.

Эльф взглянул на Ясенгард и удивленно поднял брови.

– Приветствую тебя, великий Оберик, – поспешно произнес Ясенгард, – твой недостойный слуга Ясенгард, командир гарнизона Сакред Вейла, низайше просит тебя об аудиенции.

– Почему ты говоришь со мной напрямую? – спросил Оберик тусклым бесцветным голосом. – Почему ты не обратился со своим вопросом к бургомистру?

– Почтенный Буридан, бургомистр Сакред Вейла, только что погиб. Около четырех дней назад в бестиарии Сакред Вейла появился халфлинг по имени Хэмфаст, который владеет искусством рукопашного боя и искусством метания ножей, по меньшей мере, на уровне героя, а также знает и умеет накладывать несколько заклинаний, в числе которых заклинание полета и заклинание неуязвимости. Почтенный Буридан отказался признать Хэмфаста героем и велел отправить его на алтарь, но почтенный Хэмфаст убил его мастерским броском ножа, недоступным обычному халфлингу.

Оберик задумчиво пожевал губами.

– Герой, говоришь? Халфлинг-герой... гм... У меня уже есть шесть героев... как их может быть больше? И почему этот Хэмфаст появился в бестиарии, а не в круге призвания?

– Не могу знать, великий, – ответил Ясенгард, сделав непроницаемое лицо, как у людских воинов, когда они играют в свои строевые игры, которые почему-то так любят.

– Еще бы ты мог знать... Значит, герой... полет, неуязвимость... где, кстати, этот Хэмфаст?

Ясенгард скосил глазами в мою сторону, скорчив страшное лицо, но я, не дожидаясь, когда приказ будет озвучен, вступил в поле зрения Оберика.

– Приветствую тебя, почтенный Оберик, – сказал я.

Ясенгард немедленно ущипнул меня за задницу, незаметно для Оберика, но очень больно для меня. Я непроизвольно подпрыгнул на месте.

– Великий Оберик, – поправил меня Оберик, казалось, не заметивший этой маленькой комедии.

– Великий Оберик, – повторил я.

Оберик помолчал, выжидающе глядя на меня, он ждал от меня каких-то еще ритуальных жестов, Ясенгард испуганно пыхтел над ухом, наконец, Оберик глубоко вздохнул и произнес:

– Хорошо, Хэмфаст. Я рад приветствовать тебя на моей службе и я жду тебя в Торвелле. Ясенгард! Назначаю тебя бургомистром Сакред Вейла, нового командира гарнизона

подберешь из своих ветеранов, по выполнении доложишь. Объяснишь Хэмфасту дорогу в Торвелл, выдашь все необходимое. А в остальном... разбирайся с документами, входи в курс дела, через... гм... через шесть дней доложишь о вступлении в должность. Вопросы?

– Великий Оберик, Хэмфасту надо выдать оружие и доспехи.

– Он что, явился к вам без оружия?

– Так точно, только кинжал.

– А ты уверен, что он действительно герой?

– Разве обычный халфлинг может взлетать в воздух?

– Гм... ладно, выдай ему какое-нибудь оружие. И не какое-нибудь, а самое лучшее! А насчет того, герой – не герой, я лично разберусь, и если ты ошибся, Ясенгард, пеняй на себя! Еще вопросы?

– Никак нет, великий Оберик! – отчеканил Ясенгард и иллюзорное лицо исчезло.

– Фухх... – выдохнул Ясенгард, отирая со лба обильно выступивший пот. – Кажись, пронесло. Так, Хэмфаст, значит, теперь ты на службе. До тех пор, пока ты не покинул город, я твой начальник. Еще тебе может отдавать приказы... Дебол или Живрон... пожалуй, Дебол... Командиром гарнизона я назначу Дебола, это будет твой непосредственный начальник. Подойдешь к нему, получишь оружие, снаряжение, провизию и прочее. Вечером приходи ко мне, отметим все эти события. Знаешь, где я живу? Ничего, тебе объяснят. Ку-

да, хотел бы я знать, эти два бойца подевались? Ладно, пойдем поищем, хоть и невместно бургомистру и герою такими делами лично заниматься, но что делать.

И мы пошли искать запропастившихся охранников. А я подумал, что, похоже, главным движущим мотивом для Ясенгарда было вовсе не желание сделать хорошее дело, применив к месту мои таланты. Главное для него было занять место бургомистра, и если бы он не рассчитывал, что все произойдет так, как произошло, то не исключено, что пришлось бы мне отбиваться не только от Васкеса и Гвалиура, но и от Ясенгарда. Наверное, так всегда бывает, и в глубине самых хороших поступков всегда лежит что-то низменное и эгоистичное. Я раньше думал, что у хоббитов все по-другому, но... а может, все дело в том, что халфлинги – это не хоббиты?

Я сижу за столом в доме Ясенгарда, Золта, его солдатка, только что принесла вторую перемену блюд, мы пьем вино, едим жареную оленину с тушеной репой, все хорошо, все довольны и радостны, но в то же время немного смущены. Ясенгард очень доволен, что стал бургомистром, на Арканусе это самое высшее положение, доступное простому смертному, выше бургомистра только хозяин. Золта довольна, что теперь Ясенгард перестал быть солдатом, а это значит, что и она перестала быть солдаткой, теперь ей нечего бояться, что ее муж однажды уйдет навсегда по приказу великого Оберика. Тьфу, Моргот, я даже в мыслях начинаю вставлять перед словом «Оберик» слово «великий»! Что в нем великого, если вдуматься? Могущественный эльфийский волшебник, обладающий могущественными артефактами и великими знаниями, подчинивший себе четверть Аркануса, ну и что с того? Уриэль, открывший врата в мир высшей магии, на мой взгляд, куда больше заслуживает титула «великий».

Дебол доволен, что он теперь не простой сотник, а командир гарнизона. Не так круто, как бургомистр, но даже это невероятная удача для солдата-халфлинга. Живрон рад, что с двумя его друзьями одновременно произошли такие радостные события, а если он и надеялся занять место Ясенгарда, доставшееся Деболу, то умело это скрывает. Я тоже

должен быть рад – тому, что мой статус героя официально подтвержден и теперь можно не бояться, что какой-нибудь придурок, облеченный властью, потащит меня на алтарь. Вот только все понимают, что сейчас в Сакред Вейле происходит что-то такое, что никогда и нигде не происходило, и от того всем как-то не по себе, и именно поэтому мы так много пьем и так старательно убеждаем себя, что все очень хорошо и правильно, нам радостно и весело, но веселье выходит какое-то натужное.

Сегодняшний день, если можно назвать днем промежуток времени, не обозначенный ни восходом, ни закатом, выдался суматошным. Едва мы разыскали в соборе Васкеса и Гвалиура, и Ясенгард велел им оповестить кого надо, начался такой бардак... Ясенгард закрылся в малом кабинете, по коридору взад-вперед сновали халфлинги, каждый спешил засвидетельствовать почтение новому бургомистру и каждый что-то просил. Уменьшить налоги, выдать кредит, добавить вакансии... все просьбы сводились к одному – к банальному «дай денег». Я не присутствовал при этом, Васкес сразу потащил меня в гарнизон, но Ясенгард рассказывает об этом так эмоционально... и довольно нервно, надо сказать.

Едва мы пришли в гарнизон и Васкес доложил кому надо о том, что произошло в соборе, суматоха поднялась и среди солдат. Они забросили тренировки с мечами и пращами, они собирались группами по трое-пятеро и оживленно обсуждали, что теперь будет и как оно теперь повернется. Общее

мнение сходилось на том, что Ясенгард в роли бургомистра будет лучше Буридана, хотя никто не мог толком объяснить, что в этом городе зависит от бургомистра, если все определяется законами, а то, что в законе не определено, единолично решает великий Оберик.

Я был чужим в этом обществе, меня сторонились, никто не торопился выдать мне оружие, снаряжение и все прочее, как велел Оберик. Когда я уже был готов возвращаться в бес-тиарий, где, по крайней мере, есть где поспать, обо мне наконец вспомнили. Я получил на складе короткий и практически бесполезный меч, зачарованный не вполне понятным и, скорее всего, не слишком эффективным заклинанием, кольчугу в один слой, примитивный шлем-шишак, легкий круглый щит из кожи и дерева, и пращу с набором стальных шариков. Интересно, что местные халфлинги почитают пращу выше лука и даже накладывают заклинания на это примитивное оружие. Я привык считать, что праща не идет ни в какое сравнение с добротным сделанным луком, но здесь полагают иначе. Может, это оттого, что местные луки столь примитивны, что настоящему хоббиту нельзя смотреть на них без содрогания? И они еще говорят, дескать, в твоём мире хоббиты живут в дикости и варварстве! Вам бы такое варварство!

Как бы то ни было, я получил воинское снаряжение, халфлинг-кладовщик сказал, что это оружие не вполне достойно героя, но лучшего у него все равно нет, мне выдали подо-

рожную, по предъявлении которой меня должны были бесплатно кормить и пускать на ночлег, и когда все было подготовлено к путешествию, меня нашел Дебол и пригласил к Ясенгарду, на дружескую вечеринку, как он выразился.

Мы сидим, едим, пьем, радуемся, но что-то неуловимое и неопределенное гложет душу, подсказывая, что нельзя в этой жизни вечно радоваться, рано или поздно приходит время печали. Но это не означает, что не следует веселиться, ведь, избегая веселья, нельзя избежать печали, когда настанет ее время.

12

Путь из Сакред Вейла в Торвелл предельно прост. Выходишь из города через северо-восточный спуск и идешь по дороге, никуда не сворачивая. Через двадцать дней пути, за которые вне дороги пройдет шестьдесят дней, окажешься в Торвелле.

Этот путь мне не подходит, я не хочу тратить время на долгий пеший поход, ведь я могу перемещаться с места на место мгновенно и почти не затрачивая усилий. Но я не хочу переноситься в Торвелл в одно мгновение, я хочу поближе познакомиться с этим миром. И, выйдя к северо-восточному спуску, я не стал проходить через ворота и петлять по пыльной дороге, сбегаящей с горы и скрывающейся в мерно колышущемся зеленом море леса. Проверив, надежно ли приторочен мешок за плечами и не мешает ли дурацкий меч, болтающийся на поясе, я разбежался и прыгнул со скалы, раскинув руки, подобно птице. На какой-то миг мне показалось, что я действительно лечу как птица. Я уменьшил вес посредством магии и полы распахнутой куртки стали похожи на крылья не только по внешности, но и по сути. Наверное, можно было бы научиться полноценно летать в таком режиме и, вполне возможно, это стало бы интересным развлечением. Но сейчас я здесь не для того, чтобы развлекаться, мне предстоит дальний путь и то, что я лечу, а не иду – всего

лишь способ сократить время пути. Я отменил дурацкое заклинание и перешел на более привычный метод движения.

Заклинание перемещения миль на пять вперед и сразу заклинание неподвижности. Я вишу в воздухе на высоте полтора-двух миль и некоторое время созерцаю окрестности. Потом следующий прыжок и так далее.

Первое, что потрясло меня – это Сакред Вейл, каким он представляется птицам, нарезающим круги вокруг одинокой горы на высоте города, а то и ниже. Никакой гобелен не в силах передать странное величие кучки игрушечных зданий, приютившихся на склоне одинокой горы, первозданную красоту нерукотворного моста, связывающего Сакред Вейл с благодатной долиной, отданной словом Оберика в распоряжение безмозглым тварям. С каждым следующим прыжком я все больше удалялся от Сакред Вейла и, каждый раз обращая взгляд назад, видел город по-новому, и нельзя сказать, какой вид более прекрасен – когда город занимает все поле зрения или когда он практически неразличим на сером боку гигантской горы.

Местность подо мной круто понижалась, и мне пришлось опуститься ниже, чтобы не потерять из вида дорогу. Голые склоны сменил густой лес, и все чаще кроны деревьев смыкались над дорогой и ее направление приходилось угадывать. Хорошо, что эта дорога почти не петляет и угадать ее направление совсем не сложно.

На Арканусе не водятся пони. Мелочь, казалось бы, но

из-за этой мелочи халфлинги совершенно лишены верхового и вьючного скота. Лошади халфлингам не подходят из-за чрезмерной величины, а овцы и козы – из-за слабости и глупости. Поэтому во владениях Оберика почти нет торговли, и дорога, над которой я лечу, так разительно отличается от главных трактов Аннура.

Говорят, в лесу, над которым я пролетаю, водится невероятное количество оленей, именно поэтому оленина в Сакред Вейле – основной вид мяса, куда более распространенный, чем свинина или баранина. Зачем заниматься тяжелым и утомительным каждодневным трудом, выращивая скотину, если мяса в лесу хватает на всех? Скорее всего, лет через пятьдесят поголовье дичи сократится и халфлингам придется думать о других источниках пропитания, переходить от варварства к цивилизованной жизни. Тьфу, Моргот меня раздери! Как я могу судить о том, что есть варварство, а что не есть варварство, руководствуясь теми представлениями, которые с молоком матери всосал в Хоббитании? Пора бы уже понять, что в каждом мире, да и в каждой отдельной стране свои представления и свои законы, и нельзя однозначно утверждать, что эти законы хорошие, а эти плохие только потому, что ты привык поступать так, а не иначе. Разные условия жизни порождают разные привычки, а разные привычки порождают разные законы, на словах это очевидно, но на деле уразуметь эту простую истину совсем непросто.

С каждым прыжком гора за спиной становится все меньше, зато вырастает другая гора прямо по курсу. Это не одинокая гора, это один из многих пиков, образующих величественный хребет, протянувшийся с севера на юг, если считать, что я по-прежнему лечу на северо-восток, что неочевидно – очень трудно ориентироваться, когда на небе нет ни солнца, ни звезд. Хребет круто обрывается, завершаясь самой высокой из образующих его вершин, и дорога ведет меня прямо к этой вершине. Что там говорил Ясенгард про то, что должно встретиться мне по пути? Не помню, пить надо меньше.

А это еще что такое? Голая поляна с полмили диаметром, деревенька в сотню дворов, и в эту деревню входят три дороги. Точно, Ясенгард говорил, что дорога, начинающаяся северным спуском, потом заворачивает на восток и сливается с той, по которой мне предстоит идти. Выходит, я уже преодолел около четверти пути. Интересно было бы приземлиться, поболтать с сельскими жителями Аркануса, но сейчас еще слишком рано. Надо пролететь хотя бы еще столько же.

Дорога постепенно забирала правее и я решил, что теперь лечу на восток. Прыжков через десять слева голубым зеркалом заблестала вода, вначале это была маленькая и узенькая речушка, берущая начало в горных ручьях, стекающих с отрогов хребта, оставшегося по левую руку (Иствейский хребет, внезапно подсказала память), с каждым прыжком река становилась все шире и полноводнее, на ее глади появились

парусные лодки, сначала одна-другая, и вот уже они снуют по воде вдоль и поперек целыми стаями, и уже нет никаких сомнений, что это и есть могучий Торуин, величаво несущий свои воды к Великому Океану, омывающему восточные берега владений Оберика. Странная вещь память разумного – только что казалось, что вчерашняя попойка начисто стерла из памяти многочисленные инструкции, которыми снабдил меня Ясенгард, но нет, путевые приметы всплывают в памяти одна за другой.

Пожалуй, стоило бы спуститься отдохнуть, да и поесть бы не мешало, уже, должно быть, далеко за полдень. Или нет? Как трудно ориентироваться во времени, когда на небе нет солнца!

Я приземлился на окраине рыбачьего села на самом берегу Торуина. Халфлинги смотрели на меня, халфлинги, рассекавшие речную гладь на лодках и чинившие сети на берегу, ковырявшиеся на огородах и сидевшие без дела на крыльце с трубкой в зубах. Я входил в деревню, а они смотрели на меня, позабыв про свои дела. Наверное, никогда не видели летающего хоббита.

Подорожная, выписанная Ясенгардом, не понадобилась, мое необычное появление не оставило у местных жителей никаких сомнений, что перед ними герой. Все очень просто – халфлинги не летают, даже под действием заклинания, поскольку великий Оберик не знает заклинания полета. А поскольку Хэмфаст все-таки летает, значит, это заклинание на него каким-то образом наложено. А как может быть наложено такое заклинание, кроме как лично великим Обериком? Оно может быть присуще ему от природы, либо у него может быть артефакт, дающий власть над ветром и тяготением. В обоих случаях Хэмфаст может быть только героем, так что это очевидно любому образованному халфлингу.

Меня накормили, на этот раз рыбой, а не успевшей надоесть олениной, деревенский староста изрядно расстарался, на столе стояла и красная рыба, и желтая, бочонок си-зой икры и бочонок красной, я понимал, что эти деликатесы большей частью идут в счет уплаты налогов Оберику и вряд ли кто-то из окружающих меня рыбаков пробует такие яства больше двух-трех раз в год, но они угощают меня от чистого сердца и, значит, я не имею права отказываться.

Мне предложили вина, но я отказался, сообщив хозяевам, что предпочитаю пиво, и это вызвало настоящий приступ восторга. Я понимал их чувства, они считают героев сверхъ-

естественными существами и то, что герой, так же, как и они, предпочитает простые здоровые напитки, заставляет их думать, что герой не так уж сильно отличается от них, а значит, они тоже чуть-чуть герои... Глупо, конечно, но они действительно так думают, хотя и не признаются в этом даже самим себе.

А вот разговора по душам не получилось. Даже староста, которого другие жители уважали и заметно побаивались, вел себя настолько униженно, что мое желание получше узнать этот мир увяло на глазах. Как-то не хочется разговаривать с теми, кто так пресмыкается перед тобой. Если человек не уважает себя сам, почему его должен уважать ты?

Я выразил желание отдохнуть и поспать, и мне немедленно выделили целый дом. Оказывается, в этой деревне, как и во всех деревнях, расположенных у большой дороги, имеются особые дома, специально предназначенные для отдыха проходящих мимо солдат. В этой деревне таких домов было целых пять и самый лучший из них уже мыли, скоблили и наполняли сотнями мелочей, которые делают мертвый дом живым. Староста лично довел меня до крыльца временного пристанища, на крыльце сидели десять обнаженных юных девушек, я подумал вначале, что это часть какого-то торжественного ритуала, и оказалось, что я, в общем-то прав, но совсем в другом смысле, короче, я разозлился, накричал на старосту, а девушки, против моего ожидания, совсем не обрадовались, а наоборот, расплакались, и все получилось со-

всем нехорошо.

Я завалился на постель, не раздеваясь, и задумался о том, что гнал от себя все это время. Если мне суждено провести на Арканусе остаток жизни, а в Средиземье скоро появится другой Хэмфаст, возрожденный Уриэлем из резервной копии, должен ли я хранить верность Нехаллени? Какой смысл отказываться от создания семьи, если теперь я – это не совсем я? Тот я, что живет с Нехалленией, так и будет жить с ней, а этот я, который здесь, почему бы мне не завести жену в этом мире? Я крутил эту мысль и так, и эдак, и не находил никаких убедительных аргументов против. Но, как бы я ни решил этот вопрос, в непотребстве, подобном тому, что только что предложил староста, я все равно участвовать не буду. И дело здесь не только в Нехаллени и даже совсем не в ней, а в том, что такой неприкрытый разврат просто противен природе уважающего себя хоббита, и неважно, что халфлинги Аркануса думают по-другому.

Когда староста привел второй десяток девушек, я выгнал их спокойно и вежливо, даже не повышая голоса. А потом сообразил, что раз я герой, то значит я солдат, а солдат Оберика не имеет никаких шансов завести нормальную семью и, поняв это, я упал на кровать и заплакал. Давно уже я не плакал.

Взлет. Перемещение вверх, выполняемое последовательно маленькими порциями, похоже на взлет. Я сознательно взлетаю таким образом, я не хочу лишать жителей этой деревушки, названия которой я так и не удосужился узнать, зрелища, которое они заслужили. Путь рассказывают своим детям и внукам, что своими глазами видели летающего халфлинга. Я подавил усмешку и направил полет на восток.

Торуин расстилался по левую руку, становясь с каждым прыжком все полноводнее и величественнее, хотя, казалось бы, куда уж величественнее? Иствейский хребет остался позади, его сменила унылая, если смотреть издали, зеленая лесная равнина, далеко впереди и слева, на самом горизонте, хаотично громоздились горы, почти неразличимые с такого расстояния. Это, должно быть, Торгард, странная горная система, в которой вершины и отроги громоздятся совершенно хаотично, не образуя правильных хребтов. Непонятно, как такое может быть, но в мире вообще много непонятного.

Дорога, ранее неотрывно следовавшая за немногочисленными изгибами Торуина, круто завернула направо, и я понял, что цель моего путешествия уже близка. И действительно, примерно через пару часов я оказался над Торвеллом.

В отличие от Сакред Вейла, Торвелл расположен в лесу, посреди огромной поляны диаметром в пару миль, и окру-

жен каменной стеной не в отдельных наиболее уязвимых местах, а полностью. И то, что сразу бросилось мне в глаза – в центре Торвелла стояла башня. Не белая башня собора и не серая башня гильдии алхимиков, эти башни тоже были здесь, но самая главная башня Торвелла не имеет аналогов во всех владениях Оберика. Широкая у основания и узкая наверху, четырехгранная и со скошенными стенами, это скорее вытянутая вверх пирамида, чем башня, но все называют ее именно башней. Башня Оберика. Жилище и заклинательный покой одновременно, то место, откуда воля хозяина руководит действиями сотен тысяч разумных существ, живущих в его владениях. Стены башни имеют густой иссиня-фиолетовый цвет, и непохоже, что они чем-то покрашены или инкрустированы, я готов поклясться, что этот невозможный цвет, не соответствующий ни одной из известных красок и ни одному из известных минералов, присущ этим стенам от природы. Брр... жутковатое зрелище. Красивое, но жуткое, и непонятно, почему.

Ладно, полюбовались и хватит. Пора нанести Оберику визит вежливости. Я решил, что приземляться непосредственно на балкон башни Оберика – это перебор, и опустился на землю неподалеку, там, где я безошибочно распознал гарнизон столицы.

Первым, кого я увидел в Торвелле, был человек. Точнее, женщина. Блондинка лет тридцати-сорока, густые волосы уложены в относительно короткий, но толстый конский хвост, не свисающий по спине, а каким-то странным образом оттопыривающийся назад и распускающийся пышной кисточкой, как у рыси на ушах. Серо-зеленые миндалевидные глаза слишком крупны и широко расставлены, чтобы принадлежать человеку, но уши незнакомки, совершенно человеческие, не оставляют сомнений в ее расовой принадлежности. Или в этом мире эльфы и люди скрещиваются и дают потомство? Лицо женщины не слишком правильно, черты излишне крупны, лоб низковат, форма носа несколько картофелеобразна, густые дугообразные брови и крупный рот с пышными губами, подчеркнутыми умело наложенной помадой, придают лицу надменное выражение, но она все равно красива. Не обычной красотой человеческих женщин, тонкой и хрупкой, в ней есть что-то от женщин-орков, что-то монументальное, но не застывшее, массивное, но не неподвижное... А как она одета... Салатово-зеленое платье с глубоким вырезом на груди и высоким стоячим воротником, тонкая золотая цепочка ниспадает на пышную грудь, огромные синие серьги-кольца, похоже, из того же материал, из которого сложена башня Оберика, несколько дисгармониру-

ют с остальными деталями облика, но все равно, она выглядит, как... ну не как женщина-майар, но... думаю, вы понимаете, что я имею ввиду. Крупные кисти рук с несоразмерно тонкими пальцами, увитыми многочисленными кольцами и перстнями, заботливо ухожены, они явно не знают тяжелой работы. Интересно, какое положение она здесь занимает?

Женщина оглядела меня с ног до головы, задумчиво и как-то беззастенчиво, и спросила низким и глубоким грудным голосом:

– А ты еще что за хрен с горы?

– Хэмфаст, сын Долгаста из клана Брендибэк к твоим услугам, прекрасная незнакомка, – я склонился в учтивом поклоне.

Прекрасная незнакомка расхохоталась.

– Меня зовут Табата, – ответила она, – я ведьма.

– Ведьма? Что это такое?

– Разновидность героев. Оберик говорит, довольно редкая.

Я отметил, что она не назвала Оберика великим, но не стал ничего говорить по этому поводу. Табата тем временем продолжала:

– Откуда ты взялся, Хэмфаст? И почемуты умеешь летать? Ты тоже герой?

– Бургомистр Сакред Вейла считает, что герой, – ответил я. – Оберик велел мне прибыть сюда и встретиться с ним, он хочет разобраться во всем сам.

– В таком случае тебе не стоит тратить время на беседу со мной, – Табата сразу подобралась. – Пойдем, я провожу тебя к Лорен, она командует здешней богадельней, потом она отведет тебя к бургомистру, а бургомистр проведет в башню. Субординация – великая вещь, не правда ли? – и Табата снова расхохоталась своим бархатистым смехом.

И мы пошли наискосок через гарнизонный плац.

– Вот здесь я живу, – Табата изящным движением руки указала на красивый двухэтажный дом, вдвое больший, чем обычные дома местных халфлингов. – Как освободишься, заходи, поболтаем, вина попьем, я тебя с Редблейдом познакомлю, это мой муж, тоже герой.

– Разве герой может иметь постоянную семью? – надежда вспыхнула в моем сердце, но тут же угасла, когда Табата сказала:

– Постоянную нет, а временную – запросто. Оберик обычно держит героев подле себя, сейчас только Толин где-то бродит, все остальные в Торвелле. Мы уже больше полутора лет живем с Редблейдом, и за все это время никого из нас никуда не отправляли. – Табата хихикнула. – А тебе найти пару совсем просто, ты же халфлинг. Будет странно, если к вечеру у тебя будет меньше двух временных жен. А может, и три.

– Как можно иметь три жены одновременно? – не понял я.

– Никогда не пробовал? – Табата еще раз хихикнула. – Попробуй, рекомендую. А хочешь, заходи ко мне вечером, по-

балуемся. Давно хотела попробовать с халфлингом, но сношаться с простым жителем женщине-герою как-то не к лицу, а с тобой... вполне! Никакого урона для чести... слушай, Хэмфаст, а правду говорят, что халфлинги отменные любовники?

Меня передернуло от негодования и Табата снова рассмеялась.

– Да ладно тебе, Хэмфаст, – сказала она, – не обижайся, если не хочешь, так и не надо. Просто останемся друзьями.

И после короткой паузы она добавила:

– А жаль, было бы оригинально, – и опять хихикнула.

Великий Гендальф, что за безумный мир! Человеческая женщина, совершенно не смущаясь, предлагает себя хобби-ту! Никогда бы не поверил, что это возможно. Что за мир!

Командир столичного гарнизона, этой богадельни, как выразилась Табата, оказался женщиной. Это была молодая девушка, на вид не больше двадцати пяти лет, невысокая для человека, щуплого телосложения, с тонким миловидным личиком, слишком тонким по нашим, хоббичьим меркам. Прямые каштановые волосы до плеч, разделенные на прямой пробор, большие карие глаза, как будто всегда чем-то удивленные, крупноватый прямой нос странным образом не портит общее впечатление, маленький ротик с пухлыми губками бантиком... будь я человеком, влюбился бы с первого взгляда. Вот только одета она странно – зеленая рубашка с длинными рукавами, расстегнутый кожаный жилет, подчеркивающий высокую грудь, слишком большую для ее тонкой фигуры, штаны из грубой парусины и тяжелые сапоги на высокой шнуровке. В Средиземье человеческие женщины так не одеваются, выходит, здесь другие законы?.. Или у них вообще нет четких правил насчет одежды? Я посмотрел на роскошное платье Табаты и снова на Лорен – ничего общего!

Небесное создание задумчиво склонило голову на бок, оглядело меня с ног до головы и произнесло мелодичным и каким-то беззащитным голоском:

– Значит, ты и есть тот самый Хэмфаст?

Я склонил голову в вежливом поклоне.

– Меня зовут Лорен, – сказала девушка, – я командую этой сумасшедшей компанией. Ты поступаешь в мое распоряжение.

– Но, Лорен, – возразил я, – Оберик велел мне явиться к нему сразу же, как только я прибуду в Торвелл.

– Перебивать командира невежливо, – в ангельском голосе Лорен внезапно проснулись металлические нотки. А она не так проста, подумал я.

– Ты явишься к Оберику и засвидетельствуешь почтение, – продолжала она, – потом поступишь в мое распоряжение. Что это за дерьмо на тебе навешено? – она показала на мой меч.

– Кладовщик Сакред Вейла сказал, что ничего лучшего у них нет.

– Деревня... Пойдем, попробуем подобрать что-нибудь получше.

И мы пошли на склад вооружения, выглядящий точно так же, как любой другой подобный склад в Хоббитании или Аннуре. Интересно, почему во всех мирах склады оружия выглядят совершенно одинаково?

Двое часовых у входа – халфлинги в точно таком же воинском облачении, как у меня, откровенно скучали. При виде женщин-героев они вытянулись в струнку и уставились на Лорен, пожирая ее глазами. Лорен удостоила их лишь едва заметным кивком.

Внутри склад оказался бедноват. Как ни старалась Лорен,

она так и не смогла подобрать мне что-то более пристойное, чем тот огрызок меча, что болтался у меня на поясе. Она грязно ругалась, вначале сквозь зубы, а потом и в полный голос, она совсем загоняла пожилого халфлинга-кладовщика, но ни один из мечей, представленных ее взгляду, не был лучше того убожества, что я получил в Сакред Вейле. С броней, правда, дело обстояло получше. Мне досталась тяжелая, но удивительно удобная трехслойная кольчуга, глухой шлем с опускающимся забралом и круглый щит, маленький, но зато цельнометаллический. Нигде никаких украшений, вся воинская справа предельно функциональна. Пращу Лорен у меня отобрала, сказав, что герою не к лицу таскать с собой это дерьмо.

Совсем замученный кладовщик свалил подобранное снаряжение в углу комнаты, и мы направились к бургомистру. Я заберу снаряжение потом, когда бургомистр выделит мне жилище и жен, будь они неладны.

Бургомистра звали Мусиор, он принял нас с Лорен в малом кабинете, как две капли воды похожим на кабинет Ясенгарда в Сакред Вейле. Да и весь собор Торвелла был точь-в-точь как собор Сакред Вейла, Лорен сказала, что все общественные здания строят по типовым проектам, это не очень красиво, зато надежно – можно не бояться, что неопытный архитектор соорудит что-то такое, что развалится на второй день после завершения строительства.

Мы прошли через полутемный зал, оставив алтарь в стороне, я снова не разглядел, как выглядит это зловещее сооружение, поднялись на второй этаж и прошли по темному коридору, часто изрезанному сияющими полосами света. Только небо над Торвеллом сегодня густо затянуто облаками и потому этот коридор представляет собой не такое замечательное зрелище, как в Сакред Вейле. Нас встретили двое охранников в стандартном облачении воинов-халфлингов, у них не было пращей, но зато явственно ощущалась исходящая от них магия. Шаманы, подумал я.

Мусиор оказался совсем непохож на Буридана. Пожилой мужчина, совершенно седой, огромного для халфлинга роста, всего на полголовы ниже Лорен, он говорил сочным густым басом, совершенно нетипичным для халфлингов, и вообще, по нему сразу было видно, что перед нами не при-

рожденный чиновник, а воин, которого обстоятельства заставили стать чиновником. Мы разговорились и выяснилось, что Мусиор был вождем Торвелла еще до того, как хозяева вступили в пределы Аркануса. Мусиор лично наблюдал пришествие Оберика, он видел своими глазами, как невероятно яркая молния ударила в лес, как вспыхнул великий пожар, и когда он угас, взорам изумленных халфлингов открылась башня, нимало не пострадавшая от огня. Оробевшие халфлинги вошли в башню, они медленно и настороженно поднимались по лестнице, и навстречу им вышел великий Оберик и произнес исторические слова «стучаться надо, уроды». Потом Оберик спросил, кто здесь думает, что он самый главный, и Мусиор вышел вперед и Оберик назначил его бургомистром города. Мусиор спросил, что это означает, а Оберик сказал, что Мусиор должен привести на выжженную поляну вокруг башни сто сорок халфлингов-воинов и пятьсот халфлингов-жителей, и воины должны обучаться воинскому мастерству, а жители должны строить дома, ковать оружие для воинов и обеспечивать всем необходимым башню Оберика, а также круг призвания, который делегаты не заметили, поскольку он находился с другой стороны башни. И такая сила исходила от Оберика, что халфлинги не дерзнули ему перечить и все вышло так, как он повелел. Оберик заперся в башне и больше никогда не выходил из нее. По ночам часто видели, как в окнах, что у самой вершины башни, мерцает призрачный колдовской свет, но никто не понимал, что там

происходит. И в тот же день в Торвелл явились первые дети Творца – сын и дочь. А потом дети Творца являлись каждый день, иногда по двое, а иногда по трое, а месяца через три Круг Призвания озарился мертвенно-белым светом и явился магический дух, бесцветный и страховидный. Он скрылся в лесах на северо-западе, а еще через два месяца Оберик повелел Мусиору собрать триста халфлингов и отправить их на север основывать новый город. Это заняло больше времени, чем поначалу ожидалось, но в июле 1401 года город Миренан все-таки был основан. А потом случилось много разных событий, на карте Аркануса появлялись один за другим новые города и поселения халфлингов, Торвелл рос, в нем появлялись новые здания, набирались новые когорты воинов, в круг призвания являлись герои, твари и наемники, город опоясался стеной и вознесся в небо башней собора и башней гильдии алхимиков, и за тридцать три года Торвелл, как и вся страна великого Оберика, достиг истинного процветания, и Мусиор горд и счастлив, что ему довелось побыть у истоков славной истории великого хозяина и наблюдать плоды его великих трудов.

Бесконечно долгое время я выслушивал все это, вначале мне было интересно, а потом перечисление многочисленных великих дел великого Оберика стало меня утомлять. И когда Мусиор, спохватившись, сказал, что нам давно пора в башню, я даже почувствовал некоторое облегчение.

Издали башня Оберика выглядит величественно, а вблизи она просто подавляет. Футов триста в высоту, каждая из сторон квадратного основания не меньше пятидесяти футов в длину. Абсолютно гладкие и ровные стены примерно на половине высоты перерезаны двумя узкими параллельными карнизами, опоясывающими башню по всему периметру. Дальше идут такие же гладкие и ровные стены и лишь у самой вершины они прерываются кольцевым балконом, выше которого только узкие стрельчатые окна и шатровая крыша. Там находится заклинательный покой Оберика, в котором никогда не бывал ни один смертный, посетителей Оберик принимает в приемной, которая находится двумя этажами ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.